

Петр Люкимсон, Стас Капытник

Запасной вариант

Петр Ефимович Люкимсон

Стас Капытник

Запасной вариант

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23301457
Запасной вариант / Стас Капытник, Петр Люкимсон:

Аннотация

Роман "Запасной вариант" переносит читателя в середину 90-х годов XX века. В основу сюжета книги легла борьба за концессию на строительство трансконтинентального нефтепровода, в которой столкнулись геополитические интересы России и Израиля, Ирана и Грузии. Помимо своей воли главный герой романа, представитель израильской компании в Москве Алекс Лурье, оказывается в эпицентре этих событий. Вместе с ним читателю предстоит побывать в логове действующих в Москве преступных группировок, заглянуть в политические кулуары Израиля, стать очевидцем столкновения между евреями и палестинцами, познакомиться с методами работы ФСБ России и попытаться выбраться живым из всех этих переделок.

Содержание

Часть первая	4
Глава 1	4
Глава 2	16
Глава 3	24
Глава 4	35
Глава 5	48
Глава 6	67
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Стас Капытник, Петр Люкимсон Запасной вариант

Часть первая

Глава 1

...Этот маршрут повторялся изо дня в день уже третий год подряд, и все-таки Гера проделывал его каждый раз с удовольствием.

Ему нравилось ровно в восемь легко взбегать по ступенькам тель-авивского "Бейт-Текстиля"¹, который кто-то из журналистов метко назвал цитаделью израильского бизнеса, едва уловимым кивком здороваться с уборщицей и небрежно нажимать на кнопку того самого лифта, который ежедневно поднимал господ миллионеров в их офисы.

Каждое утро его вновь и вновь охватывало это удивительное чувство – чувство причастности к жизни, которая для большинства так и остается тайной за семью печатями. Взбегая по ступенькам "Бейт-текстиля", Гера непременно пред-

---

¹ «Бейт-Текстиль» – многоэтажное офисное здание на набережной Тель-Авива.

ставлял, как на него смотрит со стороны кто-то из соседей по дому или одноклассников из шестой тбилисской школы, находящейся сейчас от этого самого дома за тысячи и тысячи километров...

В лифте он, как обычно, еще раз оглядел себя в зеркале и остался доволен. Костюм от "Версаче" был, пожалуй, даже чересчур точно подогнан по его фигуре, все остальное тоже вроде бы смотрелось неплохо, и, значит, шеф, будет доволен – Давид Крох терпеть не мог, когда кто-то из сотрудников позволял себе небрежность в одежде.

Темно-синие костюмы от "Версаче", белоснежные рубашки и галстуки от него же, черные итальянские туфли и все непременно черные – и никакого другого цвета – носки были своего рода униформой сотрудников фирмы Давида Кроха, и по этому признаку их легко узнавали на любой деловой встрече или бизнес-ланче.

Гера прошел по коридору с низким, давящим потолком, отпер дверь офиса с табличкой "Давид Крох инвестиции ЛТД", зашел за стеклянную перегородку своего кабинета и, бросив кейс на кресло, пошел включать кондиционер и поднимать итальянские трисы.

Часы показывали пять минут девятого, первые сотрудники фирмы начинали появляться обычно в девять, и, значит, у него было время на то, чтобы заварить кофе, не спеша выкурить сигарету. А потом можно будет спокойно приступить к работе.

Впереди, если верить рабочему дневнику, его ждал обычный день: надо будет подготовить два Контракта на полтора миллиона долларов с Италией и Сингапуром, затем мотать на таможеню, потому что должна прийти партия товара из Китая, и уже торчать там, скорее всего, до вечера, носясь с бумагами по кабинетам и переругиваясь с таможенниками...

Гера положил на стол папку с проектом контракта, открыл пачку "Мальборо-лайт", сделал две первые затяжки, придвинул к себе кофе и...

Резкий, даже чересчур резкий в этой тишине, звонок телефона застал его в тот самый момент, когда он делал глоток. От неожиданности Гера поперхнулся и, расплескав кофе, поставил его на стол. Часы показывали четверть девятого, ни один серьезный человек в такое время звонить не станет. Скорее всего, подумал он, это кто-то из этих сумасшедших «русских» репатриантов, которые вечно носятся со своими деловыми предложениями, не понимая, что их предложения никому не нужны.

Гера, не торопясь, вытер руки носовым платком, затем им же протер стол и взял трубку.

– Алло, компания "Давид Крох инвестиции ЛТД" слушает, – сказал он, брезгливо поджав губы.

Однако через мгновение его и без того тонкое лицо вытянулось, и Гера даже чуть подался всем корпусом вперед, чтобы выразить крайнюю степень своего почтения собеседнику.

– Да, батано Георгий... Нет, батано Давида нет, он будет,

по всей видимости, только в двенадцать... Что?.. Как его состояние, батона Георгий?.. Да, конечно. Конечно, буду будить и все передам... Да, я думаю, он немедленно свяжется с вами или господином Чхеидзе. А как чувствуете себя вы, батона?.. Да, не буду терять время...

Гера повесил трубку и еще раз посмотрел на часы: восемнадцать минут девятого.

Обычно босс встает не раньше десяти и терпеть не может ранних звонков. Бывало, если Кроха надо было по какому-то срочному делу поднять часов в девять утра, все десять сотрудников тель-авивского отделения его фирмы бросали жребий, чтобы определить того, кто возьмет на себя эту нелегкую миссию, и как минимум неделю будет пребывать в немилости у босса... А если учесть, что вчера, то есть сегодня, насколько ему было известно, Крох просидел часов до четырех утра в ресторане, то будить его в это время было почти равносильно самоубийству.

– Черт! – выругался Гера, представляя себе первые слова босса, когда тот возьмет трубку.

Чтобы успокоиться, он закурил еще одну сигарету и, дождавшись, пока огонек дошел до фильтра, начал набирать домашний номер Давида Кроха.

* * *

Давид открыл глаза, потянулся и посмотрел на жену. Она

спала без ночной рубашки, и, протянув руку, он коснулся ее груди. Это была их любимая утренняя игра: еще минут десять она притворялась, что спит и ничего не чувствует, потом начинала отвечать ему легкими, почти воздушными поцелуями, а его рука в это время спускалась все ниже... Вот и сейчас он знал, что она уже давно не спит и ждет, когда же он придет в себя после вчерашнего...

Коснувшись губами ее плеча, Давид начал медленно снимать покрывало, и именно в этот момент в дверь просунулась маленькая старушечья голова с хитрыми, все понимающими глазками.

– Закрой дверь, дура! – крикнул Крох. – Сколько раз я тебе говорил, что надо стучаться?!

– Я на минутку, господин Крох, на минутку... И потом, я на вас не смотрю и ничего не вижу. Там вас к телефону. Гера звонит и говорит, что очень срочно...

– Ладно, сейчас выйду, – сказал Крох и, как только дверь захлопнулась, стал натягивать на себя халат.

"Господи, – думал он, – ну почему всю жизнь мне приходится работать с идиотами?! Домработницы – идиотки, помощники – идиоты, компаньоны тоже идиоты и... вдобавок ко всему аферисты"...

– Босс – не давая ему опомниться и сказать все, что он думает по поводу его звонка, прокричал в трубку Гера. – Только что звонил помощник Эдуарда Амвросьевича из Тбилиси... Он сказал...

Крох выслушал несколько последовавших за этим вступлением фраз и взорвался:

– Идиот, твою мать, сколько раз я говорил, что не веду таких разговоров по домашнему телефону! Через полчаса спускайся в наше кафе, я буду. Все!

Натягивая брюки, Крох нажал на пульт телевизора и включил первую российскую программу, по которой как раз шел утренний выпуск новостей.

«Только что поступило срочное сообщение из Тбилиси, – быстро проговаривал диктор. – Совершено покушение на жизнь Эдуарда Шеварднадзе. Неизвестные заговорщики взорвали бомбу в тот самый момент, когда машина с грузинским лидером въезжала во двор Дома правительства... О состоянии здоровья Эдуарда Шеварднадзе пока ничего не сообщается... В Тбилиси сохраняется напряженная обстановка, у большинства государственных учреждений установлены посты полиции...»

Не дослушав до конца, Крох выключил телевизор и начал набирать на старом, антикварном телефоне номер ближайшего таксопарка. Его личный шофер Илико должен был подъехать к половине одиннадцатого. Даже если сейчас ему позвонить, пока тот доедет, пройдет еще полчаса, а времени ждать не было – нужно срочно и, главное, точно выяснить, что же именно там произошло, в Грузии. Следовало задействовать все имеющиеся источники информации, потому что в этот момент Крох меньше всего доверял помощникам

Шеварднадзе, которые, конечно же, постараются до последнего момента твердить, что все более-менее нормально...

– К "Бейт-Текстиль", – бросил он таксисту, и, откинувшись на заднем сидении, закурил сигарету.

– Если можно, я бы попросил вас не курить, у меня астма, – сказал таксист, и тут же осекся, поймав в зеркале тяжелый взгляд Кроха.

– Послушай, дорогой, – начал Крох тем самым *полушепотом*, от которого у всех его помощником начинали бегать мурашки. – Я тебе плачу деньги, и потому буду делать в твоей машине то, что хочу. Ты понял?..

Он знал, что таксист понял. Понял, что он не из тех клиентов, с кем можно запросто потрепать языком о новом повышении цен на сигареты или о последнем матче тель-авивского "Маккаби". Ну и хорошо, пусть помолчит, ему сейчас крайне важно сосредоточиться...

Этим искусством мгновенно, одной лишь интонацией поставить собеседника на место и ждать, пока будет говорить он, Давид Крох, овладел не сразу. Да и вообще, кто бы двадцать лет назад мог в Тбилиси подумать, что Додик Крох, тот самый Додик, который жил в старом доме на улице Галактиона Табидзе, станет одним из самых крутых израильских бизнесменов и будет иметь собственную виллу в Савьоне²!

Сын инженера Тбилисского радиозавода, прожившего

---

² Савьон – поселок неподалеку от Тель-Авива, в котором живут представители деловой элиты израильского общества.

всю свою жизнь от получки до получки и стрелявшего трешки и пятерки у друзей за два дня до аванса, он, наверное, тоже благополучно закончил бы политехнический институт, пошел бы работать на тот же радиозавод, чтобы точно так же стрелять трешки...

Но если отец, будучи чистокровным евреем и прожив в Тбилиси большую часть своей жизни, считал себя в глубине души "русским", то Давид Крох числил себя «грузином». В четырнадцать лет он, к ужасу родителей, настоял на том, чтобы его перевели из русской в грузинскую школу, где учились все его друзья, и спустя два года закончил ее с серебряной медалью...

Может, потому и жизнь у него повернулась иначе, чем у отца. В двадцать один год Крох женился на своей однокласснице, а еще через год вместе с ее семьей и шестимесячным сыном уехал в Израиль.

Сидя в ресторанах с друзьями, любил вспоминать о том, как ему пришлось здесь поработать и посудомойщиком, и чернорабочим на маленьком заводе, пока он не решил, что с него хватит вкалывать на "чужого дядю".

Его жена, уже бывшая жена, разумеется, встала тогда на дыбы, кричала, что Давид меняет воробья в руках на журавля в небе, но он уже тогда мог настоять на своем.

Всего десять лет понадобилось ему для того, чтобы по уровню дохода его фирма вошла если не в первую десятку, то уж точно в первую двадцатку израильских торговых компа-

ний. А ведь начинал он с нуля, с полутора тысяч лир в кармане!..

Да, он не брезговал ничем, да, приходилось иметь дело со всяким отребьем, часто, слишком часто идти против закона, но сейчас этот период должен был кончиться, а сам Крох из первой двадцатки перепрыгнет в первую пятерку, а может, и утрет нос самому Шаулю Айзенбергу³.

С 1992 года Давид Крох пристально следил за всем, что происходит в Баку и на его, как любят говорить в Израиле, доисторической родине⁴. Открыв казино в одной из самых больших гостиниц азербайджанской столицы, где с удовольствием проигрывали за ночь десятки тысяч долларов заезжие бизнесмены и местные нувориши, он еженедельно получал самую подробную информацию о том, что происходит внутри нефтяных компаний, поделивших между собой право добычи бесценной бакинской нефти.

В 1993 году, когда началась борьба за то, по какому пути пойдет нефтепровод из Баку в Европу, Давид Крох впервые за двадцать лет снова появился в Закавказье. Он понимал, что Россия сделает все для того, чтобы пустить эту нефтяную магистраль через Грозный, потому что иначе просто потеряет контроль над бакинской нефтью. А значит – и контроль

---

³ Шауль Айзенберг – известный израильский бизнесмен, в начале 90-х годов числился самым богатым человеком в Израиле.

⁴ Доисторическая родина – СССР (так как Израиль принято называть «исторической родиной еврейского народа»).

над всем нефтяным рынком Европы, над Кавказом и Закавказьем, да, если разобраться, и над всей Средней Азией. Но ему было важно, чтобы нефть пошла через Турцию. Именно через Турцию, с которой у Израиля пока прекрасные отношения, и, следовательно, этот источник нефти был гораздо надежнее и дешевле, чем те, которыми его страна пользуется сегодня.

Уже тогда он в первый раз встретился с Гамсахурдиа. Потом ему пришлось иметь дело с Шеварднадзе, и Крох сразу, без обиняков, выкинул все карты на стол: если нефтепровод пойдет через Грузию в Турцию, грузины снова смогут позволить себе ездить на машинах каждый день, а не только по большим праздникам, и он готов помочь им в этом...

– И что вы бы хотели получить взамен за такую услугу? – тут же спросил Шеварднадзе, пристально глядя ему в глаза.

– Подряд на строительство всей ветки нефтепровода по грузинской территории, – не отводя взгляда, ответил Крох. – Причем расплачиваться вам придется не деньгами, а нефтью. Скажем, вы положите мне в течение сорока-пятидесяти лет несколько процентов от прибыли. Я ведь в Грузии не чужой человек, договоримся...

– Все это, конечно, очень заманчиво, – проговорил Эдуард Амвросьевич. – И нефть, естественно, нужна нам позарез. Но ты же понимаешь, Давид, что, во-первых, это означает конфронтацию с Россией, а во-вторых... Даже американцы сегодня предпочитают вести нефтепровод не через нас, а че-

рез Армению. Как ты собираешься это сделать, Давид?

– Это уже мое дело, батона Эдуард, – ответил Крох, поняв по голосу Шеварднадзе, что тот согласен вступить в игру.

Полтора года, долгих полтора года Крох завязывал все новые и новые связи в России, Грузии, Турции, Штатах, сумел заинтересовать этим проектом несколько своих компаний и, что тоже немаловажно, министерство иностранных дел и министерство энергетики Израиля.

Несколько раз он вместе с гендиректорами этих министерств приезжал в Грузию и в Азербайджан, потом организовывал визиты приближенных Алиева и Шеварднадзе в Израиль, где снова и снова проговаривались детали будущей сделки; встречался с американскими конгрессменами...

Его имя не мелькало в газетных отчетах об этих визитах, и любой журналист, осмелившийся хотя бы раз упомянуть имя Кроха, тут же пополнил бы список его врагов. Но, тем не менее, именно он, Давид Крох, бывший босяк с улицы Табидзе, стоял за всеми этими совершенно ничего не значащими для непосвященного встречами, визитами и "деловыми контактами".

Ему необходим был подряд на строительство нефтепровода, и все шло к тому, что он получит его. Если, конечно, у власти в этих паршивых постсоветских республиках останутся те же люди, что и сейчас.

И, наверное, мало кто в мире молился в эти минуты за здоровье все еще неофициального президента Грузии Эду-

арда Амвросьевича Шеварднадзе так же истово, как Давид Крох.

Ему нужно было, чтобы Шеварднадзе выжил, чтобы последние полтора года, стоившие ему сотен тысяч долларов, язвы желудка и хронической усталости от бесконечных поездок из Тель-Авива в Баку и Тбилиси и снова в Тель-Авив, не пропали зря. И, может быть, еще важнее это было для Израиля, хотя если бы он сейчас сказал об этом тому же таксисту с обиженным затылком, тот, наверное, очень удивился такому обстоятельству...

Метров за сто до "Бейт-Текстиля" Крох велел таксисту остановиться и, расплатившись, направился к маленькому ничем не примечательному кафе, за одним из столиков которого его уже ждал Гера.

– Надеюсь, хоть здесь нет этих проклятых жучков, которых они понасажали у меня в квартире, – сказал он, присаживаясь, на грузинском. – Ну, давай, выкладывай сначала, что тебе рассказал Георгий...

Глава 2

– А, Алекс, заходи, дорогой, заходи, мы тебя уже часа два ждем...

Отар Гоцеридзе распахнул дверь своей новой квартиры, расположенной в самом сердце Кунцево, и, дождавшись, пока Алекс снимет пальто, обнял его за плечи и ввел в полупустую, еще не обставленную мебелью и от того казавшуюся огромной комнату, посреди которой стоял длинный, плотно уставленный блюдами и бутылками стол.

– Господа, – громко сказал Гоцеридзе с очаровательным грузинским акцентом, – разрешите представить вам моего друга и гостя из Израиля Алекса Лурье. И, между прочим (тут Гоцеридзе не удержался и артистично поднял палец вверх) правую руку нашего земляка и прекрасного человека Давида Кроха. Думаю, не будет возражений по поводу того, чтобы в честь нашего гостя перейти на русский язык...

– А в Израиле на каком говорят, на еврейском? – спросил у Алекса сидевший рядом с ним грузный, пожилой грузин, наполняя его бокал "Цинандали".

– В Израиле, дорогой Реваз, говорят на грузинском, на русском и на иврите, – с улыбкой сказал Гоцеридзе. – Честное слово говорю: две недели прожил в Израиле и все это время говорил только по-русски и по-грузински. Даже английский ни разу не понадобился. И потому этот тост на рус-

ском языке я поднимаю за наш великий грузинский язык, который знают и любят не только в Грузии. Я слышал, что даже Эдуард Амвросьевич недавно начал учить грузинский...

Через минуту Отар Гоцеридзе уже пожалел о том, что позволил себе столь двусмысленную шутку в адрес президента. Он знал, что завтра же его слова будут переданы Шеварднадзе, и даже знал, кто именно из присутствующих их передаст. Ну что ж... пусть передают, он не собирается скрывать того, что вовсе не является сторонником нового сближения с Россией и всех этих реверансов в адрес Москвы, которые время от времени делает бывший министр иностранных дел покойного Советского Союза. Но пусть передадут и то, что именно он собрал у себя практически всех работников посольства в честь провала путча, затеянного Георгадзе.

Гоцеридзе был действительно рад, что все обошлось, что Шеварднадзе в порядке, а в Тбилиси идут аресты путчистов. Потомок грузинских князей, доктор исторических наук Отар Гоцеридзе был одним из тех, кто в самые беспросветные советские времена не боялся почти открыто говорить о том, что Грузия рано или поздно должна обрести независимость. Да, он не любил и никогда не поддерживал Шеварднадзе, в котором видел лишь дорвавшегося до власти плебея. Но при этом он понимал, что уход Шеварднадзе и победа начальника грузинского КГБ означали бы конец даже той призрачной независимости, какая была у Грузии сегодня, и, по сути дела, ее возвращение под власть Москвы. Провал

путчистов в Тбилиси был прежде всего провалом Москвы, и Гоцеридзе не скрывал своей радости по этому поводу.

Через полчаса, после двух-трех рюмок легкого грузинского вина, Алекс почувствовал какую-то удивительную легкость во всем теле. Он повесил темно-синий пиджак от "Версаче" на стул, отпустил галстук и впервые за весь день позволил себе расслабиться.

Черт его знает, почему, но он чувствовал себя страшно уютно в этом доме, ему нравились ходившие по кругу тосты и шутки, ему были симпатичны две его хозяйки – жена и дочь Гоцеридзе, обе удивительно стройные, с туго затянутыми талиями, время от времени встававшие из-за стола, чтобы принести запеченную рыбу или очередную порцию лобио...

Ему нравился Отар Гоцеридзе, чье прекрасное знание всех тайных ходов и выходов в Москве не раз помогало Алексу выпутываться из самых сложных ситуаций, и сейчас он с кайфом слушал, как Отар рассказывал о своей недавней поездке в Германию.

– Как вы думаете, кто сегодня главный человек в России? – спрашивал Гоцеридзе, держа в руках бокал с "Кахетинским". – Ельцин? Черномырдин? Ничего подобного! Главный человек в сегодняшней России – это Чубчик! Я, в общем-то, об этом, конечно, догадывался, но окончательно понял только тогда, когда черт попутал меня поехать в Германию покупать подержанный "мерседес". Вы спросите, кто

такой Чубчик и какое отношение он имеет к моему "мерседессу"? Так вот, пока я ехал в Германию, Чубчик был совершенно ни при чем. Пока я выезжал из Германии и въезжал в Польшу, Чубчик тоже был ни при чем. Но вот когда я уже ехал по Польше, смотрю, меня обгоняет БМВ, и еще один пристраивается сзади. Я вправо – и он вправо, я влево – и он влево... Делать нечего, я, естественно, останавливаюсь, вылезаю из машины, интересуюсь в чем дело... Из "БМВ" вылезают три бугая, подходят ко мне и, честно, глядя в глаза, говорят:

– Платить надо, отец!

Ну, человек я сообразительный, за что платить надо, понял, но, думаю, может, они ошиблись, так я им сейчас быстренько все объясню.

– Поймите, говорю, ребята, я не миллионер, не вор, этот старый "мерс купил на личные сбережения, и вообще я сотрудник, грузинского посольства. Вот, кстати, и мой диппаспорт...

– Тем более платить надо, отец! – говорят они мне.

Короче, взяли они с меня пятьсот долларов и, как полагается по закону, выписали квитанцию.

– Теперь, говорят, езжай, отец, спокойно до самой Москвы. Если кто что спросит, скажи, что Чубчику ты уже заплатил...

И должен сказать, почти до самой Москвы это действительно работало. А уже возле Москвы снова, смотрю, берут

меня в клещи. Ну, я опять остановился, спокойно так себе вылезаю, вижу – подходят три бугая...

Но тут выясняется, что в этой зоне моя квитанция уже не действует.

– Вот, говорю, ребята, все, что у меня есть, это пятьсот долларов. Правда, если вы все заберете, то не знаю, как до Москвы доберусь, мне ведь еще заправляться надо.

Тут одни из этих бугаев берет мои пятьсот долларов, отсчитывает себе триста, а двести мне в нагрудный карман пиджака положил.

– Ладно, говорит, отец, тут тебе хватит и на то, чтобы дозаправиться и чтобы перекусить в дороге...

И вот сейчас я, друзья, все время с нежностью думаю о Чубчике. Где ты, Чубчик, спасибо тебе, что ты есть, иначе я приехал бы в Москву в "мерседесе", но в одних трусах и в майке...

Алекс не засмеялся вслед за всеми, а только улыбнулся этому рассказу, да и то улыбка получилась какой-то вымученной. Он вспомнил, как с утра "растамаживал" два грузовика с итальянской обувью, как потом долго договаривался с такими же, как этот Чубчик, "королями" из "Ямы" и Сокольников о процентах, играя своего в доску парня и с трудом перебарывая чувство брезгливости, которое каждый раз охватывало его на таких переговорах.

Почему-то ему все время казалось, что от этих холеных, чисто выбритых и одетых в безумно дорогие шмотки парней

идет какой-то едва уловимый, но, тем не менее, мерзкий запах – так, наверное, пахнет из пасти городской крысы, и этот запах не убивался никаким дорогим одеколоном. Он старался в разговоре с ними держать дистанцию, но запах все равно доходил до него, и, чтобы побыстрее закончить переговоры, Алекс накидывал им еще один-два процента сверх того максимума, который был разрешен ему Крохом. И облегченно вздыхал, когда, наконец, сделка была закончена, и "короли" уходили давать указания своим "шустрым", которым предстояло на следующий день сбывать те же итальянские туфли на Лужниковском рынке или толкучке в Сокольниках.

Но сейчас все это было позади, его ждали два отличных выходных дня, которые, в сущности, уже начались, и, черт возьми, ему было хорошо за этим столом, среди людей, которые – и это тоже было необъяснимо! – казались ему удивительно близкими.

– Друзья! – поднялся со своего места Отар Гоцеридзе, – Этот бокал я хочу выпить за нашего уважаемого гостя и моего друга Алекса. Скажу честно, что, сначала, когда мы с ним только познакомились, он мне не понравился. Но этот совсем молодой еще человек похож на старое кахетинское вино, которое никогда нельзя распробовать с первого стакана. Только выпив два, а иногда даже три стакана, можно оценить всю его крепость и весь букет...

Что Гоцеридзе говорил дальше, Алекс не услышал – жена Отара Тамрико осторожно, чтобы не сбить тост мужа, тро-

нула его за плечо:

– Алекс, вас к телефону, – сказала она полупшепотом. – Аппарат там, на тумбочке, в коридоре...

– Алекс? – услышал он в трубке голос Кроха. – Очень сожалею, но вынужден вытащить тебя от Отара. В 4.15 в Домодедово прибывает самолет из Владикавказа, так что вызывай машину и будь к моменту посадки на месте. Встретишь Нодара Патиашвили и отвезешь его на нашу квартиру. Все, что он попросит, любая его блажь для тебя закон, понял?! Попасешь его пару дней и сделаешь то, что он тебе скажет. Вопросы есть?..

– Послушай, Давид, – Алекс прикрыл рукой трубку и перешел на иврит, хотя он был один в огромном коридоре и никто в комнате не мог слышать его при всем желании. Просто это был единственный язык, который позволял ему совершенно спокойно обращаться к боссу на "ты". – Я, кажется, нанимался к тебе в качестве менеджера, а не лакея твоих друзей. И если тебе так нужно, чтобы этот господин Патиашвили получил удовольствие от поездки в Москву, ты мог бы поручить прислуживать ему кому-нибудь другому...

– Пойми, Алекс, – он мог бы поклясться, что еще никогда Крох не говорил таким умоляющим голосом со своими сотрудниками. – Ты знаешь, как я тебя ценю, буквально через месяц я собирался назначить тебя руководителем европейского филиала фирмы. Но сейчас ты должен сделать все, что скажет тебе Патиашвили. Это очень важно, понимаешь?! Я

тебя сейчас не как подчиненного – как друга прошу...

– Хорошо – сказал Алекс в трубку. – уговорил. Считай, что я уже в Домодедово...

Глава 3

Старый, выдавший виды "мерс", официально числящийся за московским отделением компании "Давид Крох инвестиции ЛТД" мчался по свободной, хорошо укатанной трассе. Коля, вот уже почти год работавший шофером в московском филиале фирме Кроха, сосредоточенно смотрел на дорогу и молчал, что означало у него крайнюю степень неодобрения действий начальства.

И Алекс понимал, что Коля имел на это право. Кому понравится, если тебя поднимают с постели в полпервого ночи и говорят, что сейчас ты должен срочно приехать из своего Чертаново в Кунцево, а затем из Кунцева тащиться в Домодедово?! Но с другой стороны, тот, кто платит деньги, тот заказывает музыку, а Колю деньгами вроде бы не обижали...

Минут через пятнадцать после того, как они отъехали от дома Отара Гоцеридзе, Коля вытянул зубами из пачки сигарету, откусил и выплюнул фильтр и с наслаждением затянулся своим любимым "кемэлом".

Это был верный признак того, что Коля отошел, перестал мечтать о проведении извращенного полового акта с ним и с Крохом одновременно, хотя ворчать будет еще долго.

– Вот ты мне скажи, Саша (он упорно называл его Сашей с первого дня их знакомства, словно слово "Алекс" ему выговорить было неимоверно сложно), – начал Коля, – какого

черта ты вытащил меня из постели, да вдобавок ко всему в пятницу?! Что тебе, такси было взять сложно? И потом, ты же сам говорил, что евреи с пятницу на субботу не работают⁵. Так что же ты свои еврейские законы нарушаешь?!..

Алекс молчал. Он вообще замыкался в себе, стоило ему хоть немного выпить, а выпито у Гоцеридзе за час с небольшим было немало. В этом смысле Коля был его полной противоположностью – похоже, он тоже успел перед сном перехватить грамм двести, и теперь его тянуло на разговор.

– Нет, ты скажи, – упорно продолжал нудить Коля. – Я когда услышал, что вы в субботу не работаете, подумал: до чего же вы все-таки умный народ! Понимаете, что в субботу нужно хорошо отдохнуть и подготовиться к тому, чтобы начать пить в воскресенье. А я, может, в это воскресенье собирался отметить день рождения принцессы Дианы. Как раз по телеку передали, что у нее скоро день рождения. Ан нет, никаких тебе еврейских традиций эти евреи, оказывается, не соблюдают, а то, что у них совести нет, так про это всему миру давно известно...

– Коля, а ты обрезание уже сделал? – спросил вдруг Алекс.

– Это еще зачем?! – кажется, от удивления Коля чуть не нажал на тормоза.

– Да просто я сейчас подумал, что из тебя неплохой раввин получился бы. Уж очень здорово ты про еврейские традиции рассказываешь, аж совесть начинает мучить...

---

⁵ евреи вечером с пятницу на субботу и до вечера субботы не работают

На этом перепалка закончилась, и Алекс погрузился в свои мысли. Он думал о том, что зря сразу после окончания экономического факультета Тель-авивского университета пошел работать к Кроху, уцепившемуся за его знание русского языка. В Израиль он приехал, когда ему было тринадцать, дома родители говорили на русском, так что язык ему и в самом деле удалось сохранить вполне приличный, но работа в России, где почти каждый день приходилось ходить по лезвию ножа, где постоянно нужно было обходить закон только потому, что делать в этой стране бизнес в соответствии с ее законами было так же бессмысленно, как кормить тигра бананами, где ему то и дело приходилось встречаться с теми, кто был ему глубоко неприятен, уже давно осточертела ему, и он все чаще подумывал о том, чтобы попросить у Кроха расчет. Но в то же время он прекрасно знал, что расчет получить будет непросто – Крох не любил, когда от него уходили люди, посвященные в дела фирмы. Да и кто, скажите, это любит?..

В Домодедово они приехали за полчаса до прибытия самолета из Владикавказа, однако Алекс решительно вышел из манящей своей теплотой машины, бросил быстрый взгляд на прохаживающихся вдоль здания аэропорта в касках и бронежилетах омоновцев и присоединился к толпе встречающих.

В сущности, он зря взорвался: на самом деле ничего необычного в просьбе босса встретить гостя не было. Крох давно уже крутил дела с Грузией, его тамошние компаньо-

ны и клиенты приезжали в Москву довольно часто, но черт возьми, они приезжали из Тбилиси, а не из Владикавказа. То, что незнакомый ему Патиашили решил сделать такой крюк, отнюдь не говорило в его пользу. И потом, еще никогда Крох не говорил с ним таким голосом, каким он говорил сегодня вечером. Он никогда ни о чем не просил и уж тем более не умолял – он только приказывал. И то, что он, Алекс, заставил Кроха умолять себя, было плохо. Может быть, даже очень плохо. Крох такие вещи не прощает.

Пока он переваривал в голове эти путавшиеся, еще полухмельные мысли, объявили о прибытии рейса Владикавказ-Москва, и Алекс протиснулся в первый ряд встречающих, чтобы не пропустить гостя.

Впрочем, он не пропустил бы его в любом случае: в своем сером, явно сшитом на заказ пальто, с подчеркнуто презрительным выражением на аккуратно выбритом, чуть одутловатом лице тот слишком явно выделялся из всей этой разноязыкой толпы.

– Господин Патиашвили, – окликнул его Алекс, и грузин вздрогнул, начал суетливо оглядываться по сторонам, что ему совершенно не шло.

– Господин Патиашвили, – Алекс подошел к нему и протянул руку. – Алекс Лурье. Давид попросил, чтобы я вас встретил...

Имя "Давид" мгновенно вернуло самообладание этому господину, и на его лице снова появилось подчеркнуто-пре-

зрительное выражение, которое, впрочем, через мгновение сменила широкая улыбка.

– Алекс Лурье? Спасибо, что встретил, дорогой. Впрочем, Давид сказал мне, что ты должен меня встретить...

Он не подчеркнул слово "должен", но произнес его, безусловно, не случайно – чтобы показать, что ему прекрасно известно, какие именно указания получил Алекс от своего босса.

Они уже сидели в машине и ждали, пока Коля разогреет мотор, когда сквозь стекло на Алекса глянуло прикрытое каской лицо, затем кто-то потянул за ручку дверцы и не терпящим возражения голосом сказал:

– А ну-ка, братва, вылазь...

Слово "братва" не оставляло сомнений в том, что ребята из ОМОНа приняли их за блатных, в лучшем случае – за рэкетиров и сейчас собирались либо вдоволь повеселиться, либо состричь с них немного "зеленых".

"Ну вот, – с тоской подумал Алекс, – сейчас тебя в который раз опять поставят раком в этой проклятой Москве..." И, уже вылезая из "мерса", он почувствовал, как кавказский гость что-то опустил ему в карман.

– Так, суки, корпус на капот, морды вниз, руки за головы, – командовал рослый белобрысый сержант, пока двое других омоновцев держали их троих под прицелами автоматов.

– Серега, обыщи машину. А вы, братва, быстренько выта-

щили документы из пальтишек и снова ручки за голову...

Коля и грузин торопливо выбросили на капот красные книжечки с гербом безвременно усопшего Советского Союза, а Алекс, стараясь выглядеть как можно более спокойным, положил рядом с ними свой синий израильский загранпаспорт.

– А это еще что за фигня? – сержант взял его паспорт, повертел в руках, затем с изумлением уставился на заковыристые ивритские буквы. Наконец он обнаружил страницу с английским текстом и начал делать отчаянные попытки прочесть название страны, смешно шевеля при этом губами.

Алекс знал, что теперь бояться ему нечего, и потому выпрямился и стряхнул с пальто прилипший тополиный лист. Вслед за ним расправились и Коля с Патиашвили.

– Значит, иностранец, – с плохо скрываемым сожалением, все еще держа его паспорт в руках, проговорил сержант. – Ну, извините, что так получилось, сами понимаете – служба... Чистим Москву от всякой шелухи, понимаешь.

– Ой, Витек, гляди, а этот-то черножопый, оказывается, грузин, – воскликнул в это время его товарищ, просматривавший два других паспорта.

– Ну-ка, покажь, – сержант, которого, оказывается, звали Витей, взял паспорт грузина. – Так... Гражданин Махарашвили... Лицо, так сказать, кавказской национальности...

Он начал растягивать слова, а опыт Алекса говорил, что ничего хорошего это не предвещало – омоновец явно пред-

вкушал то удовольствие, которое можно получить от разговора с "черножопым" здесь, в Москве, а не где-нибудь в Чечне или Карабахе.

– Господин Махарашвили является давним партнером нашей фирмы, и сейчас прибыл в Москву по делам бизнеса, – сказал Алекс, и этот ответ, кажется, удовлетворил сержанта.

– Ладно, свободен, – сказал он, отдавая грузину паспорт, и тот, даже не положив его в карман, поспешно уселся на заднее сидение "мерса"...

Алекс собирался последовать за ним, но сержант удержал его за руку и на этот раз в его глазах мелькнуло что-то человеческое – то ли сочувствие, то ли что-то другое...

– Слушай, парень – сказал он, – у тебя хоть паспорт и заграничный, но я же вижу, что ты наш, русский... Так вот что я тебе скажу: зря ты с черножопыми связываешься, обжулят они тебя, голым домой приедешь...

– Я учту твой совет, сержант, – ответил Алекс.

Он подождал, пока омовцы отойдут от машины, устало откинулся на сиденье и скомандовал:

– Ну, все, домой...

Когда Домодедово скрылось из глаз, он полез в карман и с удивлением обнаружил там дипломатический паспорт. Грузин потянулся было за ним, но Алекс не спеша открыл паспорт и пробежался по нему глазами. Судя по всему, документ был подлинным, выданным на имя Нодара Патиашвили.

– У вас, что, дорогой, хобби такое – прятать свои диппаспорта в карманах чужих пальто? – язвительно спросил Алекс, передавая через плечо паспорт грузину.

Тот не ответил, и уже до самого Арбата они ехали молча. К старому каменному дому на Арбате, где находилась одна из двух московских квартир Давида Кроха, они подъехали только в половине седьмого утра.

– Ну, что, шеф, теперь-то я свободен? – спросил Коля, дождавшись когда они выйдут из машины.

– До вечера свободен, дорогой, до вечера – ответил вместо Алекса Патнашвили. – Вечером отвезешь нас к Арчилу в "Золотой Остап", а потом в казино...

– Честно говоря, у меня были на сегодняшний день свои планы, и посещение казино в них не входило, – холодно сказал Алекс, пока они поднимались в лифте.

Но Патиашвили, похоже, совершенно не обратил внимания на тон Алекса.

– Надо пойти, дорогой, – сказал он. – Мне это надо, боссу твоему надо и ты даже не представляешь, как тебе это надо.

И, понизив голос, добавил:

– Кстати, спасибо за паспорт. Честное слово, у меня не было другого выхода. Вы представляете, что было бы, если бы они нашли у меня два паспорта на разные фамилии?!

На лестнице Алекс долго пытался открыть металлическую, обитую кожей дверь, ругая на чем свет стоит тех, кто придумал этот проклятый замок, пока вдруг она сама не от-

крылась изнутри и на пороге не появился заспанный Йоси.

– Ну, наконец-то, – сказал он Алексу на иврите. – Давид уже несколько раз звонил, интересовался, прибыли вы или нет.

Через полчаса, когда Патиашнили улегся отдыхать в спальне на роскошной арабской софе, Алекс сидел на кухне с раскалывающейся после бессонной ночи головой и слушал бодрое щебетание Йоси, пытаясь понять, что же именно привело того в Москву.

Он знал, что Йоси является главным консультантом Кроха по вопросам нефти. Во всяком случае, именно в этом качестве он месяцами торчал в Грузии, пугая ограниченный контингент тбилисских проституток силой своего темперамента. В Москву он обычно приезжал "погулять", то есть помянуть грузинских девиц на московских, и, как правило, обязательно предупреждал об этом, так что Алекс даже не знал, что у него есть ключи от московской квартиры.

– Слушай, – говорил Йоси, – еле ноги из Тбилиси унес, жизнью клянусь. В такое дерьмо вляпался, что и рассказать трудно. Так хреново за всю жизнь мне было только в Южной Африке, когда я впервые пожалел, что моя мама родила меня не от негра...

– Что там, совсем плохо? – спросил Алекс.

– Да не то чтобы совсем плохо. Можно даже сказать, что и неплохо: Шеварднадзе жив, они его, кажется, даже не поцарапали, так что Москва может кусать локти. Плохо, что вме-

сте с путчистами арестовывают и нужных нам людей. Да и я чуточку сплоховал...

Почувствовав, что может сказать лишнее, Йоси сменил тему.

– Слушай, на тебя жалко смотреть, клянусь жизнью Ясера Арафата... Есть тут у тебя натуральный кофе, сахар и кардамон? Есть? Ну и отлично... Считай, что я тебя угощаю чашечкой кофе в настоящем арабском кафе...

Йоси действительно умел готовить потрясающий кофе – такой, какой можно выпить разве что в старых иерусалимских кофейнях.

И, чувствуя, как горло начинает чуточку пощипывать от кардамона, а телу возвращается бодрость, Алекс спросил:

– А этого чертова грузина мне зачем подсунули?

– Этот «чертов грузин», между прочим, – доверенное лицо Профессора. Кто такой Профессор, тебе, надеюсь, известно?

– Слава Богу, телевизор пока иногда смотрим и газеты читаем, – ответил Алекс. – Без этого я тут с вашими делами вообще по фене заговорил бы...

– Кто такая "феня"? – удивился Йоси, так и не удосужившийся прилично выучить русский. А на иврите последняя фраза Алекса звучала действительно смешно...

– А, не важно, – отмахнулся Алекс...

– Так вот, этот дядя – человек Профессора, – повторил Йоси. – И наш с тобой общий босс очень заинтересован в

том, чтобы с ним пока было все в порядке. И если, наоборот, не дам Бог, с ним что-то случится... В общем, ты Давида знаешь. Кстати, нужно ему позвонить, сказать, что все в порядке, вы на месте... Нет-нет, сиди, я сам позвоню, – и Йоси направился в большую комнату дозваниваться до Израиля.

Итак, Патиашвили был человеком Профессора, Джабы Иоселиани, бывшего вора в законе всесоюзного масштаба, подгребшего под себя в последние годы всю Грузию. Ни одна сделка с этой республикой, да что там сделка, ни одна торговая операция, от продажи партии токарных станков до покупки десятка пар носков в каком-нибудь захудалом магазинчике на краю Грузии, не обходилась без отчисления определенного процента всемогущему Джабе. И, если разобраться, именно этот человек, а не Шеварднадзе, и являлся по существу истинным правителем Грузии.

То, что Алексу предстояло «пасти» доверенное лицо Профессора, ему не нравилось – это означало, что в случае чего ему придется иметь дело не только с Крохом, но и с людьми Джабы.

– У этих людей простая идеология, – вспомнил он сказанные в давнем разговоре Отаром Гоцеридзе слова. – Они жить хотят. И ради этого сделают что угодно...

То ли от кофе, то ли от мыслей спать окончательно расхотелось, но Алекс понимал, что просто обязан вздремнуть: планы у Нодара Патиашвили, похоже, были грандиозные...

Глава 4

Ресторан "Золотой Остап" открылся на Шмидтовском проезде в Москве так же внезапно, как в свое время появился на улицах Старгорода великий комбинатор, круто поменявший планы на жизнь бедного Кисы Воробьянинова.

Время сделало свое дело с Арчилом Гомиашвили, и теперь в этом полном, невысоком человеке трудно было узнать исполнителя роли Остапа Бендера в старом-старом фильме "12 стульев".

Время сделало свое дело и с его популярностью, хотя споры о том, чей Бендер – Гомиашвили, Юрского или великого Андрея Миронова – лучше, по слухам, идут среди киноведов до сих пор. Как бы то ни было, именно благодаря этой роли имя Арчила Гомиашвили вошло в историю кино, и Гомиашвили не забыл того, кому обязан звездными часами своей артистической карьеры, и с кем, по всей видимости, чувствовал некое духовное родство. Ударившись в бизнес, он открыл "Золотой Остап", превратив его в самый настоящий музей, посвященный памяти Великого Комбинатора.

Конечно, оценить этот ресторан-музей по достоинству мог, по словам самого Арчила, Арчильчика, как называли его завсегдатаи "Золотого Остапа", только "понимающий человек", чтивший великих Ильфа и Петрова с тем же благоговением, что и он, и помнивший лучшие места их романов

почти наизусть.

Алекса Лурье он числил именно таким "понимающим человеком", способным оценить не только развешанные по стенам фотографии с изображением Арчила в роли Бендера, но и зеленый костюм, шерстяной шарф, фуражку с кокардой и даже астрольбию – словом, все те вещи, которые принадлежали или, по крайней мере, могли принадлежать незабвенному сыну турецкоподданного.

Во всяком случае, Алекс давно пользовался особым расположением Арчила, и потому любил время от времени бывать в этом ресторане, где можно было спокойно просидеть часа два за графинчиком водки, приходя в себя после тяжелого дня, а заодно перекинуться парой-тройкой фраз с его хозяином, не забыв при этом к месту вставить цитату из Ильфа и Петрова. И сейчас он с удовольствием посидел бы в "Золотом Остапе" один, а не с Йоси и Патиашвили, который громко сопел, пока они спускались по лестнице, не обращая никакого внимания на экспонаты музея им. О.И. Бендера.

– Ну, как, узнаешь вон того дядю? – легко толкнул его в бок Йоси, указывая на огромную фотографию, на которой Арчил Гомиашвили был изображен в обнимку с каким-то лысеющим грузином в цветастом шейном платке. – Не узнаешь?! А говорил, что газеты читаешь, телевизор смотришь... Это же наш Арчильчик с самим Профессором обнимается! Таких людей надо знать в лицо, дорогой...

Они еще не успели переступить порог зала, а Арчил Гом-

пашвили уже спешил им навстречу, и сто с лишним килограммов его веса не мешали ему двигаться с почти юношеской грацией.

– Рад вас видеть в качестве своих гостей в "Золотом Остапе", – это была дежурная фраза, которой Арчил встречал едва ли не каждого посетителя своего ресторана, но при этом он всегда произносил ее так, что не поверить в его искренность было просто невозможно. Тем более, что на этот раз все трое, похоже, действительно были ему знакомы.

– Где сядете – в зале или в отдельном кабинете?

– Пока посидим в зале, батано Арчил, а потом... – тут Патиашвили перешел на грузинский, и Алекс еще раз почувствовал, насколько тот ему неприятен: никто другой из его знакомых-грузин не позволил бы себе подобного хамства...

Однако спустя минут десять, слегка захмелев то ли от первой выпитой рюмки, то ли от плывущей по залу зачаровывающей "Тбилисобы", Алекс почувствовал, что на смену острому чувству неприязни пришло равнодушие. В конце концов, какое ему дело до Профессора, до Патиашвили, до Йоси с его непонятными делами в Грузин?! Он прислан сюда для того, чтобы растамаживать приходящее из Израиля барахло и сбывать его с как можно большей прибылью. Нужно будет открыть какое-то новое совместное предприятие и наладить его работу – тоже пожалуйста... А на все эти грузинские дела Кроха ему плевать. Тем более, что они – если учесть связку с Профессором – похоже, совсем дурно пах-

нут!

Трио на сцене еще не закончило петь "Тбилисубу", когда к их столику подошел невысокий, крепко сбитый мужчина в темных очках и положил руку на плечо Патиашвили.

– Батоно Нодар...

Патиашвили не спеша поднялся, подхватил свой серый "дипломат" с двумя кодовыми замками и направился вслед за человечком к выходу, где их уже ждал Арчил...

Хозяин повел их обоих за собой по коридору и с улыбкой распахнул перед ними дверь в небольшой кабинет, посреди которого находился стол с рулеткой. Когда-то в этой комнате Арчил Гомиашвили держал настоящее казино и сам же делал в нем самые большие ставки.

– Лед тронулся, господа присяжные и заседатели, – говорил каждый раз Арчил, щеголяя своим великолепным московским выговором, самозабвенно веря, что на этот раз ему улыбнется удача, и... всякий раз непременно проигрывал. Пожалуй, никто не оставлял в этом казино такие суммы, какие оставлял в нем сам хозяин. В результате наступил момент, когда Гомпашвили понял, что-либо он прекратит играть, либо ему придется закрыть ресторан и переквалифицироваться в управдомы.

Предпочтя первое второму, он закрыл казино при "Золотом Остапе" и сделал из него отдельный кабинет, в который допускал только самых уважаемых гостей.

– Вот здесь, я думаю, вам будет лучше всего, – сказал Ар-

чил, любовно проведя рукой по бархатному сукну стола. – Сейчас я скажу, чтобы подали вино, шашлык и хачапури...

Когда дверь за Гомиашвили закрылась, незнакомец сел за стол, снял очки и аккуратно протер платком их стекла.

– Мне уже передали, батона Нодар, просьбу Профессора и рассказали о том, с какой целью вы прибыли в Москву. Что ж, учитывая, что просьба исходит от самого Профессора, я постараюсь уложиться в заданные сроки. Но, учитывая величину суммы, мне все равно потребуется время – может быть, день, а может быть, и все пять. Кстати, я советовал бы вам быть осторожнее. "Золотой Остап", конечно, неплохое место для встречи, и все-таки даже здесь нужно держать ухо востро. Москва меняется – и совсем не в лучшую для нас сторону...

* * *

Сергей заказал себе еще сто граммов водки "Кристалл". Шел четвертый час, как он сидел в "Золотом Остапе", слушая совершенно чуждую ему музыку и проедаая казенные деньги. Находящееся под наблюдением старшего лейтенанта Сергея Никольского лицо кавказской национальности также сидело в этом ресторане уже четвертый час и уходить вроде бы не собиралось. Что ж, отчасти это было даже неплохо: "Золотой Остап" давно известен в МУРе как излюбленное место встречи местных и заезжих грузинских бизнесменов, и

сейчас Сергей взглядом профессионала брал на заметку тех, с кем, возможно, ему предстояло работать в будущем.

Он подумал о том, как, наверное, чертовски романтично выглядит в этот момент со стороны, и улыбнулся.

Если бы всего шесть лет назад, когда он был еще восторженным курсантом школы милиции, ему сказали, что он будет работать в информационном отделе МУРа, заниматься самыми крутыми парнями воровского мира Москвы и в его задачу будет входить предотвращение наиболее опасных преступлений, он был бы на седьмом небе от счастья. Но в последнее время он все чаще и чаще приходил к выводу, что надо бросать эту проклятую работу и уходить в какое-нибудь частное детективное бюро, как это сделали многие его сокурсники. И дело не в том, что там платили нормальные деньги, а не те гроши, которые он получал в МУРе... Впрочем, не надо врать хотя бы самому себе – и в этом тоже! Надоело жаться из-за каждой сотни и считать дни до получки...

Все, что он заработал за пять лет службы, это три звездочки да пару шрамов, полученных во время захватов!..

Да, конечно, теперь он ходит не по грязным, пахнущим полусгнившими мокрыми тряпками пивным, где любит околачиваться мелкая московская шпана, а по лучшим ресторанам Москвы, но что это, по большому счету меняет?! И потом, чем дальше, тем больше Никольский чувствовал бессмысленность своей работы. Если в самом начале, всего каких-то лет пять назад, по добытой им информации еще на-

чиналось следствие, и ему было приятно сознавать, что благодаря его усилиям еще одной мразью и Москве стало меньше, то в последнее время все его рапорты начальство аккуратно складывало под сукно.

Брали, в основном, мелкую рыбешку, а выслеженные им «акулы» преспокойно продолжали проводить время вот в таких ресторанах, числились уважаемыми в обществе людьми. Иногда ему казалось, что они, завидев его, иронически улыбаются: дескать, служи, парень, служи, у нас с твоим начальством все схвачено...

Краем глаза Сергей заметил, что его "клиент" наконец поднялся из-за своего столика и направился к выходу, пожав на прощание руку Арчилу Гомиашвили. Минут через пять Сергей вышел за ним, мгновенно трезвея от врывающегося в легкие холодного московского воздуха. Судя по сему, следить за усаживающимся в такси "клиентом" сегодня больше не имело смысла, и, нащупав в кармане ключи, Сергей направился к автостоянке, на которой его "жигули" среди шикарных "мерседесов" и "БМВ" смотрелись как-то особенно жалко.

Двое парней копались в полутьме в моторе пристроившегося – подле его "жигуленка" "мерса", не обращая внимания на проезжающие мимо машины и случайных прохожих.

"Все, – подумал Сергей, – это конец света. Шпана обнагле-ла настолько, что даже "крутых" не боится, "мерсы" вскрывать начала... Впрочем, все нормально: если "крутые" боль-

ше не боятся ни МУРа, ни прокуратуры, то шпана начала плевать на "крутых". Ну и ладно, мое дело маленькое...»

Он уже открывал дверцу своей машины, когда один из блатных поднял голову над капотом "мерседеса".

– Эй, мужик, будь другом, видишь, дело у нас, машину ремонтируем, а ты под ногами мешаешься... Ты лучше минут пять погуляй на свежем воздухе, а как мы кончим, садись в свой "жигуль" и дуй на все четыре стороны...

На какую-то секунду Сергей замер, стараясь рассмотреть, что же именно там ремонтируют эти "блатные". Что-то не похоже было, что они просто снимают запчасти...

"Э, да они, кажется, хлопущку устанавливают, – пронеслось у него в голове. – Видно, попугать кого-то решили... Минут через пять рванет, и не только от "мерса", но и от моих "жигулей" тоже ничего не останется. А на новую машину, извините, баксов у меня нет"...

– Ну, вот что, ребята, – как можно более миролюбивым тоном начал он. – Мы сделаем по-другому. Я сейчас спокойно сяду, уеду, а вы можете тут заниматься, чем вашей душе угодно. Я вас не видел, вы меня не видели...

– Кузя, что ж это нам сегодня мужик такой непонятливый попался, – сказал тот блатной, который разговаривал с ним. – Ну-ка, объясни человеку, что он должен сейчас делать...

– Ты чо, мужик, русского языка не понимаешь?! – второй блатной оторвался от "мерса" и враскачку направился к Сергею. Еще мгновение, и он резко выбросил вперед ногу...

Сергей хорошо знал этот удар на выключку, в коленную чашечку. Почти не сходя с места, легко уклонился от него, почувствовав, как дико заныла нога от все-таки скользнувшего по ней ботинка со "слоеной" подошвой, и, преодолевая боль, ответил ударом в пах...

– Ах ты, падла...

То, как этот блатной принял этот удар и, тут же оправившись, явно намеревался на него ответить, удивило Сергея, но времени удивляться слишком долго у него просто не было – второй блатной бросил копаться в машине и начал заходить сзади. Теперь у него было два противника и, похоже, серьезных. Но тут на автостоянке появились еще трое, причем направлялись они явно к "мерсу". Да, совсем скверно...

Четким, как на тренировке, движением Сергей развернулся и нанес второму тот самый коронный удар в коленную чашечку, от которого минуту назад ему едва удалось увернуться, и в этот момент заметил, как первый потянулся к карману плаща...

Все, что Сергей делал дальше, он делал "на автомате" – падая на черный мокрый асфальт, он успел вытянуть свой "Макаров", и два выстрела прозвучали почти одновременно...

– Ложись! – закричал Йоси на иврите, у которого, по всей видимости, при звуках выстрелов напрочь вылетели из головы все русские слова, которые ему удалось выучить.

Впрочем, Алекс бросился на асфальт даже раньше, чем

услышал этот крик. И, кажется не зря: одна из пуль чирикнула у него прямо над головой. Патиашвили, иврита не знавший, заметался по автостоянке со своим "дипломатом".

– Ложись, я сказал, – Йоси привстал и бросил Патиашвили рядом с собой на асфальт. Вслед за первыми двумя выстрелами раздалось еще два, а затем зазвучала милицейская сирена, и, повернув голову, Алекс увидел, что к автостоянке бегом направляются шесть омоновцев.

– Так, подъем! – скомандовал Йоси. – Нам сейчас с этими ребятами встречаться ни к чему...

Подняв Патнашвили за локоть, он почти бросил его в машину, захлопнул капот и, сев за руль, резко рванул "мерс" с места...

Алекс, молча сидел рядом с ним, а на заднем сиденье что-то по-грузински лепетал Патиашвили, время от времени осеня себя крестным знамением.

– Да замолчите вы! – не выдержал Йоси и, свернув в какой-то узенький переулок, затормозил. Выйдя из машины, он поднял капот, включил карманный фонарик и заглянул в мотор.

– Ну, чего там? – спросил вылезший из машины Алекс.

– Знакомая системка, – присвистнул Йоси. – Мне однажды самому приходилось ставить почти такую же в славном городе Рамалле...

– Бомба? – спросил Алекс.

– Да нет – обычный жучок. Но доделать свое дело до конца

эти ребята не успели... Ясно одно: кто-то очень хочет знать, о чем мы друг с другом разговариваем. И не исключено, что этот кто-то в определенный момент захочет вместо жучка поставить бомбу...

Алекс почувствовал, как у него противно заныло под лопаткой, все его существо стало заливать липкое чувство страха, смешанное с почти звериной злостью – к Йоси, к Кроху, к этому придурочному Патиашвили. Впервые он испытал нечто подобное в Газе, в этой сучьей яме, когда после вечерней молитвы сотни арабов, ревуших в один голос: "Смерть евреям!" шли на патруль ЦАХАЛа, вжавшийся в стену одного из домов, а ему казалось, что вся эта свора идет на него одного...

Ну, нет, с него хватит, он сюда приехал зарабатывать деньги, и при этом никто не говорил ему, что он должен рисковать собственной жизнью!

– Может, и стреляли тоже в нас? – спросил он Йоси...

– Ну, насчет стреляли, не уверен, видимо, обычная мафиозная разборка. Хотя все может быть... Похоже на эти несколько дней нам понадобится надежная охрана... Как там твои "короли" – смогут ее обеспечить?

– Думаю, тебе смогут – ответил Алекс

– Что значит "тебе"? А тебе нет?

– А я, извини, собираюсь сматывать удочки. Все, хватит. Можешь доложить об этом своему боссу...

Когда они вернулись в машину, Патиашвили уже дрых,

вырубившись от пережитого потрясения.

– Головой отвечаем. И яйцами тоже – сказал Йоси, кивнув на спящего Патиашвили, словно минуту назад Алекс ему ничего не говорил.

* * *

...Сергей протянул подошедшим омоновцам удостоверение оперативника МУРа и кивнул на носилки, на которые грузили раненого блатного:

– Разберитесь с этими ребятами... Похоже, это не такие простые птишки, какими кажутся...

– Да мы уже разобрались, – хмуро усмехнулся оперативник. – Ладно, езжай, все будет в порядке.

В машине Сергей взял рацию и, связавшись с дежурным, подробно отчитался о происшествии возле ресторана "Золотой Остап". И еще стоя на лестничной площадке и открывая дверь, услышал, как в комнате, не умолкая, звонит телефон.

– Привет, Никольский, – услышал он в трубке голос начальника оперативного отдела полковника Егорова. – Так это ты "мокруху" на Шмидтовском учинил?

– Какую мокруху, товарищ полковник? – спросил Сергей, включая свободной рукой свет в комнате... – Там, по-моему, один легко ранен в плечо...

– Да шучу я, шучу... Но наши "соседи" очень на тебя обижаются, говорят, что мало того, что ты им обедню испортил,

так еще и хорошего парня минимум на месяц из игры вывел. Да нет, правильно сделал, что им нос утер, может, на пользу урок пойдет. Однако я им, естественно, пообещал разобраться и даже сказал, что ты сам исправишь свою ошибку... Так что завтра с утра будь у меня в кабинете...

Положив трубку, Никольский медленно опустился на стул.

"Соседями" у них – в МУРе называли сотрудников ФСК. – Федеральной службы контрразведки, которая располагалась на противоположной от МУРа стороне улицы.

Глава 5

Алекс проснулся от телефонного звонка, резко звучащего в мертвой тишине воскресного утра. Минуты две он лежал в кровати, надеясь, что к телефону подойдет Йоси или Патиашвнли, но телефон продолжал звонить, а никто из этих двоих явно не собирался снимать трубку.

"Спят, суки, – подумал Алекс. – Или... или боятся! Один хрен знает, кто на них охотится!".

Натянув на себя рубашку, он на цыпочках прошелся по холодному паркету и взял трубку.

– Алло, Саша, – услышал он голос Коли. – Вы что, вчера с ума посходили что ли?! Я, бля буду, всего на десять минут от машины отошел, а вы за это время уже смылись... Нет, шеф, я так больше не работаю...

– На десять минут, говоришь, отошел?! – хмыкнул в трубку Алекс. – Да тебя прикончить за это, паразита, мало. Ты у меня кровью будешь харкать за эти десять минут...

– Саша, да ты че?! – голос Коли в трубке резко поменялся. – Ты ж меня знаешь, Саша... Мамой клянусь, на десять минут отошел! Вернулся, понял, что была какая-то заварушка, вот позвонил узнать, че было-то...

– Слушай, Коля... – торжественно начал Алекс. – Пошел на х..., понял?

И, дав отбой, набрал номер одного из лужниковских "ко-

ролей". Голова после прошедшей ночи раскалывалась надвое, хотя после разговора с Колей, он, похоже, окончательно проснулся.

– Лосось, ты что ли? – спросил он, узнав по голосу адъютанта и непереманного Мишки Лошакова, чьи парни славились на все Лужники какой-то особой, залихватской жестокостью в разговоре с "клиентами". – А Лошак где? Спит?.. Да ладно, не буди...

– Обижает, начальник, мы не спим, а бдим, – услышал он голос Лошака, взявшего трубку параллельного телефона. – Выкладывай, что тебя мучает в такую рань? Что, трахать некого, что ли?

– "Крыша" нужна, – коротко сказал Алекс. – Человека три, но надежных... Смогешь?!

– Сможем! – также коротко откликнулся Лошак. – Помни мое хорошее к тебе отношение... Минут через сорок мои будут у тебя. Потом сочтемся...

Закончив разговор с Лошаком, Алекс набрал номер авиакомпании "Эль-Аль", чтобы выяснить, есть ли билеты на ближайший рейс Москва-Тель-Авив.

– Есть?! – обрадованно переспросил он. – Ну, само собой, я хочу сделать заказ... Записывайте: Алекс Лурье, номер иностранного паспорта...

Назвать номер своего иностранного паспорта он не успел, фраза повисла в воздухе – в трубке воцарилась мертвая тишина.

– Значит, бежишь? – Йоси стоял позади него, тоже в рубашке и трусах, и, улыбаясь своей неизменной улыбкой "отличного парня", держал в руках выдернутый из розетки шнур от телефона.

– А ты что думал, мы вчера шутки шутили?! – огрызнулся Алекс. – Меня, между прочим, в Тель-Авиве родители ждут, так что я под пули лезть не намерен.

– В случае твоей гибели родители получают отличную денежную компенсацию, ибо твоя драгоценная жизнь застрахована компанией "Давид Крох инвестиции ЛТД". Так что папа с мамой будут довольны, – еще шире улыбнулся Йоси.

– Да пошел ты... – Алекс вырвал у него из рук шнур, вставил в розетку и стал заново набирать номер "Эль-Аль". Он уже дошел до последней цифры, когда Йоси нажал на блестящий рычажок элегантного, сделанного "под старинку" телефона. Игра, кажется, начала заходить слишком далеко.

– Так, – сказал Алекс, чувствуя, как к горлу подкатывает бешенство: еще мгновение, и он просто перестанет себя контролировать. – Или ты убережешь свои грязные руки с телефона, или...

– Что "или"? – спросил Йоси, подходя к нему ближе и как-то оособнно мерзко, глумливо улыбаясь...

Эта улыбка окончательно выпела Алекса из себя. Коротко выбросив руку, он направил кулак прямо в эту улыбающуюся рожу и уже в воздухе почувствовал, как Йоси локтем отклонил удар и кулак наткнулся на его костлявое плечо... Ес-

ли бы Йоси весил хотя бы килограммов на десять больше, он наверняка удержался бы на ногах, но сейчас его шестьдесят килограммов веса работали против него – он пролетел через всю комнату.

– Ого, "вус-вус", – тут же надевая на лицо прежнюю улыбку, произнес Йоси. – Ты, оказывается, и бокс знаешь... А я думал, тебя мама научила только на скрипке играть и соплю слюнявчиком вытирать...

"Вус-вус" – так лет сорок назад прозвали евреи из Марокко всех европейских евреев: те, оказавшись в Израиле и совершенно не понимая, иврита, то и дело переспрашивали у своих собеседников: "Вус? вус?" – "Что-что?!".

Не желая оставаться в долгу, Алекс бросил только одно слово:

– Чахчах!

Он знал, что для марокканского еврея оно звучит куда обиднее, чем "вус-вус" для ашкеназа – примерно так, как для кавказца звучит слово "черножопый". Но именно на что Алекс и рассчитывал.

– Что ты сказал!? – переспросил Йоси, словно надеясь, что он ослышался.

– Чахчах! – повторил Алекс, потому что отступить было поздно – Йоси закусил верхнюю губу, тряхнул своими кудряшками и медленно, чуть враскачку, пошел на Алекса.

Он шел на него той самой походкой, какой когда-то ходил по своим родным Катамонам – самому крутому району

Иерусалима, где такие же, как он, марокканские парни били в кровь случайно забредших сюда "вус-вусов", а потом встречали полицейские машины градом камней, а иногда и пистолетными выстрелами. В течение нескольких десятилетий Катамоны были для израильской полиции таким же неприятным местом, как Люберцы – для российских милиционеров. Но странное дело: именно этот район поставлял лучших офицеров в армию и в ту же полицию...

Кровь истинного катамонца, ударившая в голову Йоси, требовала ответа на "чахчаха". Резко оттолкнувшись ногой от пола, он сгруппировался в прыжке и выбросил вперед ногу, чтобы нанести Алексу удар в грудную клетку. Однако Алекс секундой раньше понял, куда собирается ударить Йоси, и попытался сбить его с ног...

Совершив какой-то немыслимый пируэт в воздухе, Йоси избежал подставленной ему ловушки, и вскоре они уже кружились по свободной части комнаты. Каждый из них пытался нанести своему противнику удар на выключку.

Прием... Блок...

Прием... Блок...

На какую-то секунду Алексу показалось, что он не в Москве, а в спортзале на базе своей родной дивизии совершенствуется в "крав мага" – особой системе ближнего боя, которой обучали только солдат элитарных частей ЦАХАЛа. Со стороны это, наверное, выглядело страшно, но Йоси оказался достойным противником, и потому никто из них

двоих так и не пропустил ни одного серьезного удара.

"Черт, – подумал про себя Алекс, – сколько времени после армии прошло, а "крав мага" помню, как будто только вчера тренировался. И этот "чахчах" – тоже..."

У него уже не было той первоначальной злости на Йоси, бешенство прошло, и он дрался теперь, получая удовольствие от самой драки, от того, что ему достался такой классный противник, и еще потому, что уже просто не знал, как эту драку остановить.

– Брэгг! – вдруг крикнул Йоси, ставя еще один блок.

– Брэг, – согласился Алекс и, когда они оба повалились на ковер, не скрывая интереса, спросил: – Ты где так "крав мага" здорово выучил, в "Голани"?

– Какой "крав мага"? – притворно удивился Йоси. – Это такая национальная чахчахская борьба, ей у нас в Катамонах учат сразу после обрезания...

– Ага... Ты в своих Катамонах в лучшем случае гашиш мастырить научился. А для "крав мага" нужна другая школа... Газа?

– Шхем, – откликнулся Йоси, словно подхватывая забытую детскую игру в "города".

– Дженин, – бросил Алекс.

– Хеврон, – ответил Йоси.

– Рамалла!

– Калькилия!..

– Иерихо...

– Бейт-Лехем...

И, когда список всех городов, где бушевала палестинская интифада, был, казалось, исчерпан, Йоси, словно невзначай, кинул:

– Тир...

– У-а, – не скрывая восхищения, протянул Алекс. – Круто. Но в Набатии в это время было, между прочим, тоже не сладко...

Йоси повернулся к Алексу и на его лице снова играла прежняя улыбка.

– Слушай, приятель, кажется, мы с гобой загорали на одних и тех же курортах?

– Выходит, что так...

– Ну, а чем тебе тогда Москва не подходит? Спокойный, приятный город. И, кстати, как профессионал профессионалу – девочки здесь получше, чем в Тель-Авиве...

– Да, это уж точно, – усмехнулся Алекс.

– Ну, тогда зачем ты так торопишься?! – Йоси продолжал тем же тоном, но Алекс почувствовал, что все, что он сейчас говорит, более, чем серьезно. – Еще три дня, парень, три дня максимум, а потом можешь делать, что хочешь. Завтра, в крайнем случае послезавтра, Нодар получит 50 миллионов долларов наличными, ты как полномочный представитель компании «Давид Крох Инвестиции» положишь их в один банк на вполне определенный счет – и все дела. И если ты думаешь, что это нужно только мне или Кроху, то ты

ошибаешься. Плевать я хотел на Кроха, понял?! Но это действительно очень важно сделать. Поверь на слово, важно...

Звонок в дверь заставил их обоих подняться на ноги, и Алекс бросился в спальню натягивать брюки, а Йоси на цыпочках подошел к двери и заглянул в глазок...

— Кто это? — спросил он, и Алекс, входя в комнату, улыбнулся этому вопросу: даже когда Йоси пытался говорить по-русски, он все равно думал на иврите, и потому у него так и не получилось выучить простую русскую фразу "кто там?".

— Тебя — сказал он Алексу. — погоди, не открывай... После вчерашнего и в самом деле, что хочешь может быть...

Йоси отошел чуть-чуть в сторону от двери, и в его руке, откуда ни возьмись, словно только что выросло из ладони, показалось левие ножа.

— Да брось ты, — отмахнулся Алекс. — "Крыша" пришла...

Он отворил дверь, пропуская в нее двух рослых качков и невысокого, крепко сбитого мужика в кожаной кепке.

На первый, самый непроницательный, взгляд его вполне можно было принять за электрика или сантехника из ЖЭКа. И вместе с тем было в его взгляде и в походке нечто такое, отчего в груди невольно возникал неприятный холодок. Трудно сказать, каким образом мы определяем, опасен тот или иной человек или нет при встрече с ним в пустом переулке, но почти всегда это чувство является безошибочным.

Мужик в кепке был не просто опасен — он был очень опасен, и Йоси, встретившись с ним взглядом, передернулся.

Нет, не потому, что испугался. Просто еще по Катамонам он слишком хорошо знал такой тип – непробиваемый в своей тупости, не знающий иного удовольствия, кроме как вдоволь поизмываться над кем-то. Поизмываться просто так без всякой корыстной цели, а войдя в раж – и убить.

Вот такие невысокие, крепко сбитые мужички, как правило, верховодят в тюрьмах, а выходя из них становятся еще более жестокими. Йоси знал этот тип, и еще с Катамонов, он, участвовавший в самых жестоких драках, но, тем не менее никогда не переходивший в них некую невидимую грань жестокости, презирал и ненавидел таких людей.

Сейчас, встретившись с буравящим взглядом этого мужика, он не отвел глаза в сторону, а ответил точно таким же взглядом, в котором легко читалось: "Только попробуй у меня повытыкаться, падла..."

– Ну, кто здесь малышей обижает? – добродушно сказал мужик, отводя взгляд от лица Йоси.

* * *

Старший лейтенант МУРа Сергей Никольский явился в кабинет начальника информационного отдела в десять утра. Он специально не торопился заявиться в самую рань и ждал, пока окончится планерка. Во-первых, чтобы подчеркнуть, что он с его зарплатой не намерен лизать задницу начальству, а во-вторых, свободный график работы был одной из

привилегий "топтунов", а если эти привилегии постоянно не подчеркивать, то можно их и потерять...

— Ну, как, выпался после вчерашнего? — спросил его полковник Егоров. — Или тебе нужно опохмелиться? Сто граммов у меня найдется...

И, не дождавшись ответа, сразу перешел к делу:

— В общем, я сегодня с «соседями» уже говорил. Катят они на тебя бочку, Никольский, говорят, что за какими-то грузинскими китами охотились, а ты им всю рыбалку сорвал. Теперь, по их мнению, если этим грузинам даже снова на хвост сесть, они будут вести себя очень осторожно...

— Да какая там рыбалка, товарищ полковник! Если бы они только наблюдение вели, на хрен мне надо было бы влезать. Но они ведь в этот "мерс" бомбу ставили, то есть дело явно "мокрухой" пахло. И потом, я ведь этих троих, которых они грабануть хотели, еще в ресторане заметил. Так вот, двое из них, может быть, и грузины, а третий... То ли молдаванин, то ли хохол, то ли еврей, но на грузина точно не похож...

— Бомбу, говоришь? — у Егорова вдруг странно заблестели глаза. — Это и вправду меняет дело. Нет, ты посмотри, до чего ФСК дошел: вместо того, чтобы охранять интересы страны, они занимаются какими-то своими темными делами и не исключено, что связаны с организованной преступностью. Ты такой вариант исключаешь? — он посмотрел на Сергея честными глазами бывшего коммуниста.

"Ой, вот только не надо так красиво про мафию и "темные

дела" языком молоть, " – подумал Сергей. – О том, каких ты акул прикрываешь, весь МУР знает да молчит. Хотя... Хотя не исключено, что в словах Егорова есть резон, вполне может быть так, что "соседи" в тот момент выполняли чей-то заказ, а он им перебежал дорожку...»

– Значит, так, Никольский, – все тем же полуофициальным тоном продолжил полковник. – Есть у меня для тебя порученьице: присмотри-ка пару дней за этими грузинами и постарайся разобраться, почему на них соседи наехали...

– Да вы что, товарищ полковник, – Сергей возмутился, и возмутился совершенно искренне, – Думаете, у меня других дел нет, что ли? Да на мне сейчас четыре "объекта" висят.

– Не беспокойся, остальные дела чуть-чуть подождут... Кстати, пока ты спал, я тут за тебя, часть работы сделал. По данным ГАИ, "мерс" под искомым номером является служебной машиной израильской фирмы "Давид Крох инвестиции ЛТД". Центральный офис фирмы – на Тверской, квартира для работников – на Балтийской... Так что валяй, действуй.

И, дождавшись, когда дверь за Никольским закроется, начал крутить телефонный диск.

– Господин генерал? – по привычке переспросил он, хотя голос замминистра он никогда не перепутал бы ни с каким другим. – Ваше указание выполнено, – я поручил это дело тому самому парню, который стакнулся с нашими соседями на Шмидтовском.

– Парень-то надежный? – спросил голос на другом конце трубки.

– Ну, насколько вообще можно быть надежным за те деньги, которые мы платим людям. Но ушлый – если захочет, докопается до сути. Так что, думаю, на этот раз мы кое-кому утрем нос...

* * *

К "Хаммер-центру", в казино которого Патиашвили должен был в одиннадцать вечера встретиться с доверенным лицом профессора для того, чтобы, как сказал Йоси, взять "кое-какие вещи", они подъехали в девять. Тройка Лошака следовала за ними на маленьком "пежо", и, когда они вылезли из машины, к Алексу подошел один из качков.

– Слышь, начальник, – сказал он, – по-моему, нам на хвост наступили. Вон тот "жигуль" видишь? Жмет за нами с самого Арбата...

Алекс, слегка повернув голову, бросил взгляд на вылезшего из "жигулей" парня. Рост примерно сто восемьдесят, оценил он, явно качается, однако лицо простого русского парня, такие обычно сами не действуют. Где-то он его, кажется, видел... Алекс постарался припомнить, где именно, но не смог... В казино? Но такие ребята туда вроде бы не ходят...

– Значит, так, братва, – сказал он. – Остаетесь на первом этаже на стреме, заказываете коктейль за наш счет и заодно

присматриваете за машиной. Где-то в полпервого я думаю, мы освободимся, доставите нас до дверей и до утра свободны...

Непрерывно ускоряя шаг, они пытались как можно скорее пройти первый этаж "Хаммер-центра", но их итальянские костюмы явно привлекли внимание сидевших там интердевочек.

– Куда так торопитесь, мальчишки? Может быть, немного посидим? – окликнули их из-за одного столика по-английски, и Алекс почувствовал, как Йоси замедлил шаг, явно собираясь окликнуться на этот зов.

– Просим прощения, девушки, но у меня с друзьями началась зимняя спячка. В другой раз, – ответил Алекс по-русски и легонько толкнул Йоси в плечо: – Совсем голову потерял?! И потом, маньяк, тебе что, сегодняшнего дня мало?!

– Во-первых, – ответил Йоси, – у нас есть в запасе полтора часа, и за это время я трахнул бы ее раза два как минимум. Во-вторых, ты прав – мало!

Бели учесть, что часов в двенадцать Йоси вызвонил свою знакомую балерину, после чего заперся с ней в спальне и не вылезал оттуда до половины седьмого, это было очень смелое заявление...

У входа в казино "Хаммер-центра" в этот вечер дежурили финны, с одним из которых Алекс был в почти приятельских отношениях, и потому прохождение Йоси и Патиавшили фэйс-контроля было почти гранатировано.

– Это мои гости, – сказал он финну. – Бизнесмены из Грузии.

– Все о'кей, Алекс, – ответил финн. И, чтобы сделать ему приятное, добавил:

– Аколь беседер⁶.

– Откуда этот гой знает иврит? – спросил Йоси, когда они поднимались по лестнице в стеклянный чал казино.

– Выучил, – ответил Алекс. – Из уважения ко мне лично и к великому еврейскому народу. Правда, не в полном объеме. Знает четыре слова: "аколь беседер" и "тода раба"⁷... Кстати, если ты сегодня у нас главный, сколько мы с тобой имеем право проиграть?

– Крох сказал, что не больше пятисот долларов...

– Да, щедрость в число его добродетелей никогда не входила, – засмеялся Алекс.

Впрочем, пятьсот долларов на брата вполне могло хватить минут на сорок игры... Не так уж и мало, но и не много, особенно, если учесть, что не играть они просто не имеют права – это будет мгновенно замечено и вызовет подозрения. Тем более, что народу в казино в это время еще не много...

После "Золотого Остапа" казино "Хаммер-центра" было его самым любимым местом в Москве. Он любил то чувство азарта, которое охватывало его, когда начинала бешено вертеться рулетка, любил следить за крупье, немцем или англи-

---

⁶ Аколь беседер (иврит) – все в порядке

⁷ тода раба (иврит) – большое спасибо

чанином, который с невозмутимым спокойствием выслушивал, как игроки поносят его последними словами, делая вид, что ни слова не понимает по-русски... Проиграв свои двести-триста долларов, Алекс обычно оставался в казино до двух-трех ночи, потягивая бесплатный коктейль и с увлечением следя, как другие просаживали тысячи.

– Добрый день, Ира, – девушка, продававшая жетоны, хорошо знала всех членов клуба, и принято было перекинуться с ней несколькими фразами. – Ну, как отдохнула летом? Повидала мой Израиль?

– Так, Саша, ты знаешь, как я к тебе отношусь, но давай про твой Израиль замнем для ясности, ладно? – она сердито тряхнула челкой.

– Почему? – искренне удивился Алекс.

– Потому что потому... Представляешь, у меня был на руках гостевой вызов от школьного товарища, я накупила для всех знакомых кучу подарков...

– Ну и?

– Ну, и меня депортировала ваша полиция прямо из аэропорта... Потому что я – молодая русская, а значит, с их точки зрения еду и Израиль исключительно для того, чтобы заниматься проституцией. Я им пыталась объяснить, какие они козлы. Вы что, говорю, с ума сошли?! Вы знаете, где я работаю? В казино! На черта мне этим делом заниматься, если я вас тут всех могу с потрохами купить... Но они как про казино слышали, вообще с ума посходили. По-моему, у вас

там казино сильно путают с борделем! Слушай, я весь мир объездила, но такого... Такого со мной, еще нигде не было. Потом, уже в Москве, позвонила друзьям – оказывается, они меня четырнадцать часов ждали на выходе! Просто с ума сойти можно!..

Купив жетоны, Алекс направился к рулетке и, сделав первую ставку, поискал глазами Патиашвили. Тот, набывчившись, следил за тем, как Йоси играет в "блэк джек", всем своим видом демонстрируя, что игра ему безразлична.

"Да играй же, козел, играй! Не привлекай к себе внимания!" – мысленно призвал его Алекс, но, похоже, Патиашвили на телепатическую связь выходить не собирался.

– Слышь, дай-ка кошелек!

Алекс вначале подумал, что кошелек требуют от него. Но нет, его сосед справа, похоже, обращался к стоявшему рядом с Алексом своему другу.

– Ты чего, с ума сошел!? – возмутился друг.

– Давай, давай... – стоящий справа сам вытащил у него из кармана портмоне, отсчитал из него пять тысяч долларов и положил кошелек к себе в карман.

– Все, крутись на эту мелочь, – сказал он, передавая ему пачку банкнот. – А то я устал по утрам с твоей женой разбираться...

– В каком смысле он сказал "разбирайся"? – спросил у Алекса стоявший слева японский славист, с которым ему часто приходилось сталкиваться в казино, так что иногда

Алекс думал, что русский язык тот решил изучать исключительно в самых злых местах Москвы. Поначалу сего учебного мужа долго не хотели пускать в казино, принимая за чукчу...

– В том смысле, что каждое утро он вместо этого мужика разговаривает с его женой, – шепотом объяснил Алекс.

– Ибётся? – тоже шепотом поинтересовался профессор, но Алекс, заметив, что к их разговору начинают прислушиваться, поспешил его закончить.

– Да нет, разбирается – сказал он, и крикнул крупье: – Три фишки на черную десятку...

Счет времени Алекс вел, не глядя на часы, по крупье – они менялись у столов каждые пятнадцать минут, и, значит, где-то после седьмого крупье должны были появиться те, кого они ждали...

И они действительно появились. Все тот же невысокий, крепко сбитый грузин с элегантным портфелем в руках, однако на этот раз, очевидно, для прикрытия, его окружали два парня, похожие на Вахтанга Кикабидзе в его лучшие годы. Заметив, что Йоси глазами подзывает его к себе, Алекс оставил игру и направился к бару.

И в этот момент он увидел, как поспешно, словно по чьей-то невидимой команде, начали закрываться одно кассовое окошко за другим.

– Что за чертовщина, – мелькнуло в голове у Алекса. – Вечер-то только начинается...

И буквально через мгновение он увидел, как в зал врываются около десятка парней в форме ОМОНа, в черных, как у палестинских боевиков, масках, и, направляя на игроков автоматы, орут:

– Все на пол! На пол! На пол!

Алекс упал на пол в полуметре от Йоси и, оглянувшись, увидел, что все остальные посетители казино – а среди них были очень уважаемые люди – тоже растянулись на полу...

И тут в зале появился плотный, среднего роста человек в сером костюме с аккуратно зачесанными назад волосами.

– Господа, – сказал он, – Финансовая инспекция. Прошу всех оставаться на своих местах. Главного администратора попрошу открыть кассы...

– Да вы понимаете, какое дело, как раз сегодня... – начал администратор, но под взглядом человека в сером прервался на полуслове и вытащил из бокового кармана связку ключей.

– Что это, налет? – спросил Алекса Йоси, приподнимая голову над полом.

– Не похоже. Кажется, и в самом деле фининспекция...

– А для чего тогда эти парни с автоматами?..

– А чтобы никто не рыпался...

В это время одни из омовцев обратил на них внимание и, поведя автоматом, прикрикнул:

– А ну молчать, черти нерусские... Голову в пол...

Парни уткнулись носами в пол.

Минут через десять омовцы ушли, тяжело топоча под-

кованными ботинками по лестнице, и Алекс, поднявшись, начал отряхивать костюм.

– А где... – начал было он и осекся: ни Патиашвили, ни его друзей в казино не было.

Глава 6

Заседание "русского" актива правящей партии было назначено на шесть часов вечера, однако Давид Крох не торопился. Он терпеть не мог всех этих партийных тусовок, а "русских" тусовок в особенности – было смешно наблюдать за бывшими комсомольскими и партийными работниками, которые не умели ничего другого, кроме как вешать народу лапшу на уши, и потому в Израиле решили заниматься тем же, чем и некогда в Союзе.

Не было ни одной партии, в которой не ошивались бы эти, уже обросшие жирком, одетые в аккуратненькие дешевые костюмчики парни и с каждым годом все больше и больше стареющие "девушки" в платьях с глубоким вырезом, на полном серьезе называвшие себя "вождями алии"⁸ и, кажется, сами верившие в это.

На всех подобных собраниях они упражнялись в ораторском искусстве и произносили пылкие речи, всячески демонстрируя свою верность высоким идеалам избранной ими партии, щеголяя своим, все еще полудетским ивритом, и стараясь во что бы то ни стало попасть в поле зрения высокого партийного гостя, непременно присутствующего в качестве наблюдателя.

---

⁸ алия (иврит) – в букв. переводе, «подъем, восхождение»; традиционное обозначение репатриации евреев в Израиль

Впереди были выборы, ходили слухи о том, что руководство всех партий намерено включить по одному "русскому" на реальное место в списке, и все эти вожди алии готовы были перегрызть друг другу глотки за сытное место депутата.

Кроха всегда забавляла эта борьба за жалкие тринадцать тысяч шекелей в месяц, но то, как это делали выходцы из Союза, невольно вызывало у него еще и чувство брезгливости.

И, тем не менее, он должен был ехать, прежде всего, потому, что именно там, на собрании этих русских болтунов, ему была назначена встреча с представителем министерства иностранных дел. И потом, Крох числился среди "друзей" партии, так как регулярно отчислял ей в виде пожертвований весьма приличные суммы. Сейчас, очевидно, речь снова пойдет о том, что партия, а точнее – ее "русское" отделение нуждается в деньгах.

Что ж, есть на свете вещи, на которые не стоит жалеть денег, а дружба с правящей партией себя, в принципе, окупала. Впрочем, Крох учитывал и то, что после выборов ситуация может измениться и потому на всякий случай "дружил" и с ведущей оппозиционной партией.

Ровно в семь Давид Крох вышел из своего офиса в «Бейт-Текстиль» и с удовольствием открыл заднюю дверцу своего нового темно-синего "крайслера" – так ребенок касается новой, очень красивой игрушки. Дорогие и просторные машины, выматывавшие шоферу нервы на совершенно непригодных для них тель-авивских улицах, были его сла-

бостью, он менял их каждые полгода – фокус, который в Израиле себе, кажется, не позволял никто, кроме него, Додика Кроха.

– Давай в "Марину", – скомандовал он шоферу. И тут же добавил: – Можешь особенно не торопиться, Илико...

– Да тут торопись, не торопись, все равно минут за пять доедем, батона Давид, – ответил шофер по-грузински.

Обычно вот так, с брошенной на языке их детства самой обычной фразы, Илнко начинал с боссом разговор, который, он это чувствовал, доставлял удовольствие Кроху, заставляя на время отвлечься от неотступно преследующих его мыслей о деле.

Но на этот раз Крох не поддержал разговора, и Илико, сделав вид, что он целиком сосредоточился на дороге, в мгновение ока выскочил на улицу Ха-Яркон.

Огромное, словно нарисованное, солнце медленно погружалось в Средиземное море, и стаи ошалевших птиц делали бесконечные круги в воздухе. Никто до сих пор так и не смог объяснить, почему за четверть часа до захода солнца птицы в Израиле вдруг сбиваются в стаи и начинают летать абсолютно правильными, словно кем-то расчерченными кругами. Кроха всегда завораживало это зрелище. Он нажал кнопку стеклоподъемника и, высунув голову в окно, в который раз увлеченно наблюдал за этим исполненным какого-то высшего смысла полета по замкнутому кругу, благо Илико прочно застрял перед светофором.

Жара спадала, и площадь возле здания «Мигдаль ха-Опера» наполнялась людьми. Какая-то пара с двумя детишками, с еще мокрыми после пляжа волосами, нарушая все правила, перебежала перед их носом дорогу и так же бегом направилась к ближайшему кафе.

"Господи, – думал Крох, – у людей есть время купаться, гулять с женами, покупать детям мороженое... А я вот уже два года обещаю Ривке сходить с ней и с ребенком на пляж, и никак не могу найти на это время. Все кажется, что еще немного – и можно будет выкроить хотя бы сутки отдыха, но каждый раз это почему-то срывается. Даже в ресторанах говоришь только о деле, о деле, о деле... А сейчас вдобавок из-за каких-то паршивых пятидесяти миллионов долларов я должен чуть ли не в ноги кидаться Джабе, принимать его в долю. И этот подонок еще встает в позу и начинает торговаться за каждую десятую процента... Понимает, что деваться мне некуда!"...

Он вспомнил, как познакомился с Джабой два года назад, осенью 1993 года, когда только-только заваривалось все это дело с нефтепроводом.

Израильские и российские газеты в те дни посвящали целые страницы боям, идущим в Тбилиси, и Крох со сжимавшимся от боли сердцем ждал, что его встретит вымерший город, вздымающий в небо черные остовы полуразрушенных домов с выбитыми стеклами. Город, который он продолжал любить, нередко ловя себя на том, что тоскует по его улицам,

ресторанам, по его гортанному говору и особому, неторопливому стилю жизни.

– Вы, наверное, голодны, батоно Давид, – сказал сидевший за рулем личный адъютант Джабы, посланный встретить его в аэропорту. – Хотите, заедем куда-нибудь перекусим?..

– Знаешь, здесь, неподалеку от стадиона, был такой маленький ресторанчик в подвале. Так вот, я с удовольствием поел бы там аджарского хачапури с брынзой... Но сейчас он, наверное, закрыт...

– Почему закрыт?! – удивился адъютант Джабы. – Голову даю на отсечение, что открыт, и что там можно найти не только хачапури...

Через пятнадцать минут они уже сидели в любимом ресторанчике его юности и перед ними стояли бутылка "Кинзмараули", тарелка с зеленью и сыром и дымящиеся аджарские хачапури, подмигивающие слегка – именно так, как нужно, – поджаренным яичным желтком, готовым растечься по горячему тесту.

В эти дни к Тбилиси то и дело отключался свет, время от времени прекращалась подача воды, по официальным данным в Грузии не было ни капли бензина, а любые денежные знаки имели не больший смысл, чем во времена первобытнообщинного строя. И, тем не менее, ресторанчик был забит людьми, которые заказывали все новые и новые порции шашлыка и хачапури и за которые, очевидно, как-то расплачивались, а возле входа было припарковано никак не мень-

ше десятка машин...

– А мне тут о Тбилиси такое порассказали, что я подумал, будто у вас здесь настоящая война идет, – сказал Крох.

– Конечно, идет, дорогой, – в тот момент, когда адъютант Джабы наливал вино, Крох заметил на его руке пятиконечную звезду, в центре которой была надпись "Смерть мусора" – татуировка, отмечающая тех, кто впервые попал на зону еще подростком. – Ты же слышал, этот шакал Гамсахурдиа против демократии пошел... Да вот, кстати, ребята, кажется, на войну поехали, – и адъютант "профессора" кивнул на четырех мужчин, направлявшихся к выходу.

– В смысле, воевать? – уточнил Крох.

– Да нет, посмотреть, чья сейчас берет. Через полчаса вернутся, расскажут... Кстати, хочешь взглянуть? Тем более что нам все равно уже к Профессору двигаться надо.

На перегороженном баррикадами проспекте Руставели в районе Дома правительства было почти так же тихо, как около стадиона. Возле одной из баррикад адъютант Джабы притормозил.

– Посиди пару минут в машине, батоно Давид, – сказал он Кроху. – Мне тут ребятам кое-что сказать надо...

Однако Крох вылез вслед за ним из черной "Волги" и вскоре уже стоял в окружении десятка крепко сбитых парней в новенькой советской военной форме, обвешанных гранатами и магазинами к "Калашникову". На рукавах армейских шинелей у всех была нашита волчья морда: знак при-

надлежности к национальной гвардии.

– Знакомьтесь, наш гость и друг из Израиля, – представил его адъютант. – А это наши славные бойцы за демократию...

– Полковник Квилидзе, – представился старший...

– Подполковник Резашвили...

– Подполковник Думбадзе...

– Капитан Мремлашвиш...

– Капитан Гаташвили...

– Капитан... Капитан... Старший лейтенант... Лейтенант...

– Я предлагаю отметить приезд гостя из дружественной еврейской страны, – торжественно сказал полковник Квилидзе. – Ящик вина у нас есть, мясо есть, так что шашлык мы в один момент сделаем...

– Некогда, господин полковник, некогда, Профессор ждет, – отрезал адъютант. – Как-нибудь в другой раз...

Они уже садились в "Волгу", когда на одной из примыкающих к проспекту Руставели улочек появился человек с автоматом и, прислонившись к стене дома, начал медленно обводить глазами противоположную сторону улицы. И тут же на балконы соседних домов высыпали женщины, ребяташки, взрослые мужики и стали следить за действиями этого мужика.

Вдруг тишина проспекта разорвалась длинной автоматной очередью, от которой посыпались стекла на первых этажах домов... После чего человек благополучно скрылся в

подъезде, а минут через пять из разбитого окна дома, который больше всего пострадал от этого обстрела, высунулось автоматное дуло, из которого точно так же беспорядочно и бесцельно был открыт ответный огонь.

– Вах, Валико, слышишь, как стреляют?! – послышался женский голос с одного из балБрискинов. Крох задрал голову, чтобы полюбоваться его обладательницей.

– Давай, батоно Давид, в машину, – услышал он. – А то мы сейчас в самом пекле, мало ли что...

– Слушай, я что-то на этой баррикаде рядовых не заметил, – сказал Крох, когда они стремительно удалялись от проспекта Руставели. – Все офицеры...

– Пока все офицеры, а когда этих шакалов выбьем из "Белого дома", у них и свои рядовые будут, – ответил адъютант Джабы, и Крох подумал, что в этих словах, пожалуй, есть своя логика...

У роскошного трехэтажного особняка, в котором размещился штаб «всадников» Джабы Иоселиани, им отдал честь безусый юнец в кожаной куртке, поверх которой болтался автомат, и в армейских сапогах, в которые были заправлены черные, когда-то наверняка имевшие очень приличный вид, брюки. Потом они поднимались по мраморной лестнице, а навстречу им шли вооруженные винтовками и автоматами люди, одетые в "болонью", кожу, старые истрепавшиеся пальто и меховые ушанки самых разных цветов – «всадники», армия "профессора", всесильного Джабы Иоселиани.

– Ну, вот и пришли, – сказал адъютант, но не успел он толкнуть дверь, как она распахнулась, и из нее за ноги выволокли безжизненное тело с надвое расколотым черепом, из которого густым кровавым холодцом медленно вытекала какая-то масса, которая, наверное, только что была человеческими мозгами.

Кроха едва не вырвало, в голове зашумело, и он почувствовал, что кровь отливает от лица.

– Очень не люблю расстраивать своих гостей, но иногда приходится идти на непопулярные меры, – с улыбкой развел руками Джаба Иоселиани. – Я этого человека, можно сказать, из грязи вытащил, сделал своим заместителем по военным вопросам, а он... Сколько раз ему говорил: ты больше не на зоне, ты теперь борец за демократию. То есть порядочных людей больше грабить не надо, грабить можно только звиядистов...

– Так, может, он просто перепутал, – осторожно попытался возразить адъютант. И быстро добавил:

– Я хочу сказать, может, порядочного человека и борца за демократию принял за звиядиста...

– Ты что, хочешь сказать, что он меня принял за звиядиста?! – воскликнул Джаба. – Ладно, кончили с этим, пойди, сделай с покойным Георгием то, что нужно...

– А что нужно? – недоуменно спросил адъютант.

– Я что тебе сейчас должен объяснять, что с покойником делают?! Похороните с почестями, как настоящего бойца за

свободу и демократию Грузин, чтоб семье обидно не было...

"Боже мой, – подумал Крох, – кажется, пятый раз за этот день я слышу слово "демократия". И, самое интересное, от кого слышу?!"

– Садись, батоно Давид, давно тебя в гости ждем, – произнес Джаба, как только закрылась дверь за его адъютантом. – Шашлык, правда, чуть-чуть остыл, но все равно хорош, а не понравится – новый сделаем...

И хотя после увиденного есть Кроху совсем не хотелось, он придвинул к себе шампур и благодарно кивнул за налитый Джабой бокал вина.

– Давно мечтал с вами познакомиться, батоно, – начал Крох. – Очень много о вас слышал и...

– Я тоже рад с тобой познакомиться, батоно Давид, – прервал его "профессор". – Тоже, как ты понимаешь, слышал о тебе, знаю, как ты помог Грузии год назад, но все-таки хотел бы услышать тебя самого, что ты за человек, чем занимаешься. Так что рассказывай, но про шашлык тоже не забывай, это из молодого барашка шашлык, нежней, чем девушка...

– Да что мне о себе рассказывать... Человек я маленький, занимаюсь разными делами по мелочам...

В этот момент он почувствовал, как железная рука Джабы сжала его запястье.

– А то, что ты с этим шакалом Гамсахурдиа нефтепровод решил строить, это тоже "мелочь"? Или ты, сучонок, думал, что мне об этом неизвестно?

Перед глазами Кроха мгновенно возникло изуродованное лицо покойника, которого вынесли из этого кабинета перед тем, как он переступил его порог. Язык его вдруг будто примерз к гортани, и, с трудом перебарывая мешавшее ему говорить мерзкое чувство липкого страха, он сказал те единственные слова, которые пришли ему в голову:

– Богом клянусь, батоно... Я – деловой человек, политикой не занимаюсь, переговоры веду с тем, у кого власть...

– Вот это правильно! – хватка ослабла, но Джаба по-прежнему продолжал держать его за запястье. – Значит, скоро будешь со мной иметь дело, батоно Давид...

И, убрав руку, добавил прежним, ласковым голосом:

– Вина тоже попробуй, хорошее вино, для Сталина, между прочим, делалось.

– Я ведь к вам не просто так пришел, батоно, просьба у меня есть, – начал Крох, чувствуя, что подошло время говорить о главном.

– Говори свою просьбу, – добродушно усмехнулся Джаба. – Ты меня знаешь, я всю жизнь людям помогаю. Лишь бы только люди добро помнили...

– Два моих человека позавчера были арестованы вашими... – Крох на мгновение остановился, подыскивая нужное слово... – гвардейцами. Эти люди работают в моей компании, одновременно они являются гражданами США, и я был бы очень благодарен нам...

– А, слышал, слышал, – снова прервал его Джаба на полу-

слове. — Действительно, мои люди взяли недавно двух звиядистов, которые начали показывать им американские паспорта.

— Батоно, они не звиядисты, — начал было снова объяснять Крох...

— Извини, дорогой, я своим людям верю. Но для хорошего человека мне ничего не жалко. Только, сам понимаешь, у нас сейчас война идет, эти твои люди захвачены в качестве заложников. А за заложников полагается выкуп, иначе мои ребята просто не поймут, почему я их так отпускаю...

— За деньгами дело не станет, батоно...

— Рад слышать, что ты ценишь своих людей, да мне ведь не только деньги нужны, батоно Крох...

Именно тогда он и попал в ту ловушку, которую подставил ему Джаба. Задействовав все свои связи, Крох сумел в течение месяца поставить ему несколько сотен стволов "узи" и приличную партию патронов к ним. А потом... Потом у него уже просто не было выхода, он должен был выполнять одну его "просьбу" за другой, и самое страшное, что никому, совершенно никому он не мог рассказать о характере этих просьб и лишь молился о том, чтобы о них не узнал ни Шеварднадзе, ни кто-либо в израильском правительстве...

— Приехали, батонэ Давид, — словно издалека услышал он голос своего шофера. — Я буду вас ждать здесь, практически у самого входа...

Крох надеялся, что к моменту его прихода официальная

часть заседания "русского" актива закончится, но она, похоже, была в самом разгаре.

Вела тусовку высокая, тощая, уже немолодая женщина с лошадиным лицом. Ходили слухи, что своей головокружительной карьерой в партии и профсоюзах она обязана исключительно своим выдающимся способностям в постели, и кто-то, а Крох хорошо знал, что эти слухи весьма близки к истине. Несмотря на то, что этой даме перевалило за сорок, ее девичья фигура по-прежнему привлекала внимание любителей этого типа женской красоты, она до сих пор продолжала ходить по рукам партийных боссов, и потому являлась одним из главных кандидатов на бронированное для "русских" место в партийном списке.

— Господа, — вещала эта «девушка» хорошо поставленным голосом, — мы должны отдавать себе отчет в том, что, согласно опросам, позиции нашей партии на "русской улице" сильно пошатнулись. И вместе с тем я убеждена, что мы обладаем весьма значительным потенциалом. Лжет тот, кто говорит, что идеи нашей партии отталкивают от себя новых репатриантов. Мне кажется, что идеи мира, социальной справедливости, уверенности простого человека в завтрашнем дне по-прежнему очень близки большинству из тех, к кому мы обращаемся.

— Вы им попробуйте что-то втолковать, когда они заладили, что мы продали Израиль арабам. Любой разговор сводится к упрекам и вопросам, по какому праву мы отдаем Гола-

ны и территории и почему мы поощряем террор... – сказал кто-то с места.

– Да бросьте эту демагогию! – ораторша возмущенно – потряхнула волосами. – Люди приехали сюда жить, а не воевать, кому-кому, а русским евреям нет никакого дела ни до Иудеи ни до Самарии, ни до Голанских высот... Нужно просто активнее работать, разъяснять нашу позицию и, конечно же, активнее вести запись в партию новых членов...

– Легко сказать: активнее вести запись, – сказал с места высокий парень с проступающим под рубашкой брюшком. – Вы вспомните, какие у нас непомерные членские взносы... А тут еще другие партии скинули сумму взносов для "русских" почти вдвое. Конкуренция!

– Я думаю, вы недооцениваете "русскую" алию, когда сводите все к столь меркантильным вопросам, – отрезала дама. – Я лично, в отличие от вас, вижу нашу алию в совершенно ином свете...

– Нашу или вашу? – опять съязвил тот же голос с места, явно намекая на то, что дама приехала в Израиль в 70-х годах. – Между прочим, очень многие недовольны тем, что такие, как вы, ватики, оккупировали все руководящие посты...

– Это вы себя имеете в виду?..

Дослушать, чем закончится эта перепалка, Кроху не удалось.

– Господин Крох? – протягивая руку, спросил невысокий худощавый парень в круглых очках. – Меня просили пере-

дать, что вас ждут в 917-м номере.

Из четырех человек, сидевших в номере 917, Крох знал только двоих: заведующего отделом министерства иностранных дел Дана Фейгина и советника премьер-министра по Кавказу и Закавказью Шимон Брискин. Двое других были ему незнакомы и то, что заведомо МИДа, не представив их, сразу перешел к сути дела, Кроху не понравилось.

– Я хотел бы тебе напомнить, Давид, – начал Фейгин, – что через неделю ты должен внести последний взнос в концессию по строительству нефтепровода. Ты помнишь, что наша партия горячо поддержала эту твою идею, мы помогли тебе выйти на наших американских друзей, сколотить мощный концерн?..

– По-моему, партии тоже не за что на меня обижаться, Дан, – улыбаясь, ответил Крох. – И я понимаю, что чем ближе к выборам, тем больше вы будете нуждаться в деньгах, так что готов от всего сердца передать партии часть моих сбережений...

– Я сейчас не шучу, Давид, и если ты думаешь, что нам нужны от тебя деньги, то ты ошибаешься. Да и – давай смотреть правде в глаза, Давид, – у тебя их нет. По нашим сведениям, у тебя нет 50 миллионов, чтобы покрыть свою долю в концерне. А речь тут, как ты понимаешь, идет не только о твоих интересах. Я не побоюсь красивых слов, Давид, речь идет об интересах государства, и ты это знаешь. Мы больше не можем полагаться на прежние, слишком дорогие и слиш-

ком ненадежные, источники нефти. Бакинская нефть, идущая через Грузию и Турцию в Израиль, это действительно великолепная идея, и потому мы поддержали тебя. Больше того, мы выдали тебе ссуду практически под государственные гарантии для того, чтобы у тебя не было проблем с концессионерами. Но ты пустил эти деньги на авантюру и прогорел...

– Я ценю, господа, ваши возможности в проверке моих личных счетов, но вы ошиблись, – чувствуя, как у него мгновенно пересохло в горле, сказал Крох. – Деньги находятся в обороте и завтра-послезавтра будут мной получены. Так что если вы пригласили меня только по этому поводу, то повод того не стоил. Ваша информация – к счастью или к сожалению – совершенно неверна...

– К сожалению, она верна, господин Крох, – отчетливо произнося каждое слово, сказал сидевший в углу незнакомый Кроху человек. – Вы пытались прокрутить сделку через фирму "Иверия", принадлежащую вашему тестю Натану Нивелишвили, но "Иверия" объявила себя банкротом... Пытаясь найти сумму в 50 миллионов долларов, вы обратились за помощью к человеку, к которому обращаться не следовало. Вспомните, что и наши американские компаньоны, и президент Шеварднадзе, и личный представитель президента Алиева во время своего визита в Израиль настаивали на том, чтобы сделка о нефтепроводе делалась исключительно чистыми руками. Зная об этом, вы, тем не менее, вышли на

связь с грузинской организованной преступностью...

"Кто, кто настучал? – билось в голове у Кроха. – А ведь это кто-то из самых близких..."

– Мы давно следили за вашими связями с этим человеком и закрывали на них глаза, – продолжал незнакомец. – До сегодняшнего дня... К сожалению, сегодня обстоятельства поменялись, и мы требуем от вас прервать любые контакты с ним и его людьми.

– Извините, – сказал Крох, – но мне бы очень хотелось знать, по какому праву вы даете мне столь ценные советы. И что вы имеете в виду, говоря о том, что обстоятельства изменились?

Незнакомец встал, достал из кармана пиджака небольшую голубую книжечку и, подойдя к Кроху, выставил ее прямо перед его глазами..

– Вы удовлетворены, или вам этого недостаточно? – спросил он. И тут же продолжил:

– Джаба Иоселиани вчера вечером арестован в Тбилиси по обвинению в причастности к попытке совершения государственного переворота. Есть мнение, – он кивнул на советника премьера, – что продолжение ваших контактов с ним в любом виде может нанести ущерб израильско-грузинским отношениям и сильно повредить нашему проекту. Так что деньги, господин Крох, вам придется выискивать из другого источника...

– Ослы, боже мой, какие ослы, – бормотал про себя Крох,

выходя из огромных стеклянных дверей "Марины".

Он не знал, как объяснить этим людям, что он не может сейчас лишить Джабу его доли в концессии и отказаться от его денег. Даже если бы он попытался им это объяснить, они бы все равно не поняли или не захотели понять того, что арест Джабы ровным счетом ничего не значит: если только Шеварднадзе не захотел его расстрелять сразу после ареста, то и в тюрьме Джаба продолжает управлять своей империей...

Сев в машину, Крох тут же взял сотовый телефон и несколько секунд слушал, как тот тикает у его уха.

"Как бомба с часовым механизмом, – подумал он. – Но эти ослы все равно ничего не понимают..."

Наконец в телефоне раздался длинный звонок, и голос, который он впервые услышал еще там, в штабе Джабы, недовольно спросил на грузинском:

– Кто?

– Добрый вечер, Шалва. – Крох старался говорить, как можно спокойнее. – Звоню тебе потому, что возникли кое-какие непредвиденные обстоятельства. Мы могли бы с тобой встретиться где-нибудь с глазу на глаз, капельку выпить, немного поговорить?.. Скажем, в моем ресторане в Ашдод-де?.. Что? Не можешь выехать из Тель-Авива, освободишься только и одиннадцать вечера? Ну, не страшно, в десять рестораны в Тель-Авиве еще работают... Хочешь в офисе? Почему бы нет, у меня там в это время никого не будет, так

что мы спокойно все обсудим... Так мне тебя ждать?

И, получив утвердительный ответ, Крох дал отбой.

– Все. Сейчас отвезешь меня в "Бейт-Текстиль", Илико, а потом езжай к жене и детям, – сказал он шоферу. – Домой я доеду сам на такси...

Открыв офис, он первым делом бросил взгляд на часы. Они показывали половину одиннадцатого, и, значит, время до встречи с Шалвой у него оставалось, и можно было спокойно обдумать предстоящий разговор.

Крох вытащил из шкафа бутылку своего любимого "Мартея" и коробочку с пластинками мятного шоколада. Рюмка коньяка успокоила его, и он подумал, что, в конце концов, все не так уж и страшно, при желании можно сделать так, чтобы и волки были сыты, и овцы целы. Если деньги, как ему и обещали, будут переданы наличными, то Алекс переспokoйно сможет внести их на счет концессии от имени его компании, и пусть потом кто-нибудь докажет, что это – «грязные деньги», а не те самые, котоыре он получил в виде суды от крупнейшего госбанка Израйля!

Откинувшись в кресле, он задремал в ожидании звонка в дверь и вдруг сквозь полудрему услышал, как кто-то поворачивает в ней ключ...

– Что за чертовщина!

Крох вскочил и машинально вытащил из ящика стола небольшой пистолет. К счастью, он успел вовремя сунуть его в карман. Дверь открылась, и в нее медленно вползло боль-

шое мусорное ведро на колесиках, а вслед за ним появилась пожилая женщина с усталым, сморщенным лицом, каждая черта которого выдавала в ней уроженку Жмеринки или Бердичева.

– Что за наглость? – взорвался Крох. – Вы что, постучать не можете?!

– Так ведь в это время никого не бывает... Я всегда в это время тут убираю, – попыталась оправдаться женщина и вдруг, на какое-то мгновение, Кроху почудилось в ее лице что-то знакомое... Да, сомнений быть не могло: в этой женщине было что-то от его покойной матери, тоже на всю жизнь так и оставшейся провинциалкой...

– Сегодня убирать не нужно, – уже мягко сказал он. – Все равно я тут за ночь успею насорить... Вы давно в Израиле?

– Да четыре года почти, – все еще испуганно ответила женщина.

– Ну и как устроились? Довольны?

В его голосе звучало искреннее участие и, почувствовав это, а может быть, просто обрадовавшись возможности хоть с кем-то поговорить в этом пугающем своей тишиной огромном здании, она на какое-то время забыла о той пропасти, которая разделяла ее и Кроха.

– Работаем, слава Богу, – ответила женщина. – По вечерам я здесь, а днем нянчу стариков... Жить-то как-то нужно. Квартиру вон недавно с детьми купила, так вся их зарплата

уходит на машканту⁹ и на питание. А ведь еще надо одежду покупать, внуки опять-таки в школе учатся, каждый день на что-то шекели нужны... Вот и вкалываем.

– А там кем работали?

– Там я была инженером на пищекомбинате в станице Диньская... Есть такая станица в Краснодарском крае, может, слышали. Мы туда с мужем по распределению попали...

– Нет, – покачал головой Крох, – никогда не слышал...

Дверь за уборщицей закрылась, и Крох почувствовал, что он окончательно успокоился. Этот ничего не значащий разговор с незнакомой женщиной поднял ему настроение и внес какое-то странное спокойствие в его душу, словно он действительно поговорил с матерью.

Но, увидев на экране "телеглаза" Шалву с каким-то долговязым парнем, он снова ощутил, как внутри у него все напряглось и, прежде, чем нажать кнопку и открыть дверь, он опустил руку в карман, чтобы еще раз удостовериться: пистолет находится там, где он должен находиться.

– Ты же сказал, что будешь совершенно один, – укоризненно сказал он Шалве. – Я думал, мы с тобой посидим с глазу на глаз, специально для тебя приготовил отличный коньяк.

– Этот парень нам не помешает, он, как ты понимаешь, свой человек. Так что давай разливай свой коньяк на тро-

---

⁹ машканта – выдаваемая государством на льготных условиях ипотечная ссуда для покупки репатриантами первой квартиры на родине.

их...

– Говорят, у нас не самые хорошие новости, Шалва. Сегодня у меня был разговор кое с кем оттуда, – Крох показал пальцем наверх, – и мне сообщили, что Шеварднадзе арестовал Профессора...

– Ну, допустим, информация верная. Что это меняет? – Шалва посмотрел ему прямо в глаза, и Крох понял, что пора переходить к разговору о главном – о том, как ускорить получение обещанных Джабой денег и предотвратить любую утечку информации об этих деньгах. Любую!

Когда разговор был закончен, Крох вздохнул с облегчением: все-таки хорошо, что Джаба прислал сюда в качестве "нового репатрианта" именно Шалву, а не кого-нибудь другого: Шалва, кажется, все понял, как надо...

– Ну что ж, будь здоров, Давид, мы пойдем. Не надо, не провожай! – Шалва и пришедший с ним парень поднялись и протянули ему руки.

Крох встал со своего кресла и, улыбаясь, смотрел, как они направлялись к выходу из его кабинета. Неожиданно у самой двери долговязый парень обернулся и резко выбросил вперед руку... И прежде, чем Крох услышал слабый хлопок выстрела, страшная, напоминающая удар боксера-тяжеловеса, сила отбросила его в кресло, а тело разорвала жгучая, невыносимая боль, помутившая сознание. Одновременно в его голове разорвались тысячи ослепительных комет, превратив все пространство перед глазами в огромное светяще-

еся поле. Затем Крох почувствовал второй такой же боксерский удар, на этот раз нанесенный чуть ниже первого и еще сильнее вжавший его в кресло. Потом огненные цветы на огненном поле начали один за другим гаснуть, и наступила абсолютная, несущая в себе покой и прохладу тишина...

* * *

Старший следователь тель-авивской полиции Леон Перельман был вызван в Бейт-Текстиль в час тридцать ночи, а без четверти два он вместе со своими ребятами уже был на месте преступления. Давид Крох сидел, откинувшись на спину, в своем рабочем кресле, и если бы не две небольшие, размером с пуговицу, дырочки с опаленными краями на его рубашке, можно было бы подумать, что он спит, такое спокойное у него было лицо.

– Повтори еще раз, как и когда ты нашел тело Давида Кроха, – обратился он к шоферу Кроха Элиягу Левиашвили.

– Это произошло примерно в час – час пятнадцать ночи, – растерянно, в третий раз повторял Илико. – Босс сказал, чтобы я его не ждал, что он доберется на такси, но я подумал: зачем ему лишние пятьдесят шекелей тратить, лучше я его у выхода подожду...

– Ты что, серьезно хотел сэкономить Давиду Кроху пятьдесят шекелей? – спросил Перельман.

– А что? – обиженно уставился на него Илико. – Пятьде-

сят шекелей на дороге валяются, что ли?! Да!.. Потом я увидел, что в здание вошли двое, говорили они по-нашему, то есть по-грузински, и я понял, что они идут к батону Давиду. Через минут сорок они вышли, я стал ждать, что батон Давид спустится, а он никак не шел... Ну, я поднялся, смотрю – дверь в офис открыта, зашел, а тут... – Илико не выдержал и разрыдался.

– Мог ли он открыть дверь человеку, которого не знал?

– Нет... Не думаю... Вон тот телевизор видите? Через него всегда видно, кто хочет зайти в офис.

– Ты сказал, что ночью к Кроху вошли двое. Постарайся вспомнить, может быть, ты знал хотя бы одного из них...

– Нет, господин следователь, мамой клянусь, никогда их до этого не видел... Но батон Давид сам назначил ту встречу по пелефону¹⁰...

Лицо Перельмана напряглось.

– Ты слышал этот разговор?

– Так, краем уха, господин следователь...

– Может быть, ты хотя бы припомнишь, как звали человека, с которым он разговаривал?

– Нет, не помню... Хотя... Шалва его звали, мамой клянусь, Шалва...

– Ну, и что ты по этому поводу думаешь, капитан? – голос за спиной прозвучал так неожиданно, что Леон уже хотел было разразиться трехэтажным матом в адрес всех, кто

---

¹⁰ пелефон (иврит) – сотовый телефон, «мобильник».

мешает следствию, когда встретился глазами с молодым парнем в джинсах и легкой белой куртке. Было в его взгляде и в самой позе что-то такое, что заставило Перельмана сдержаться.

– Не злись, капитан, – дружелюбно произнес парень, показывая ему голубую книжечку, – но командовать здесь буду все-таки я. Прежде всего, нужно немедленно убрать тело. И гак, чтобы ни один из наших шакалов пера об этом не узнал. Ни малейшей крупички информации об убийстве Давида Кроха не должно появиться в прессе. Сейчас наши люди займутся выносом тела... Итак, что ты по всему этому поводу думаешь?..

– В принципе, пока ясно только одно: Крох был убит человеком, которого он очень хорошо знал и которого сам впустил в офис... Вероятнее всего, этого человека зовут Шалва, и если мы затребуем номера тех, с кем Крох говорил в последние часы по пелефону, то сможем на него выйти...

Парень в куртке удовлетворенно кивнул.

– Мы тоже так считаем... И именно поэтому твой дружок из "Едиот ахронот"¹¹ Шимон Рабинович на этот раз ничего знать не должен. Я, конечно, знаю, как ваш министр любит отвечать на вопросы о русской мафии, но это тот случай, когда ему придется промолчать...

---

¹¹ «Едиот ахронот» и «Маарив» – две ведущие израильские газеты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.